

Юрий Артемьев

КОТТИ

КНИГА ВТОРАЯ

КОТЁНОК НА ТРОПЕ ВОЙНЫ

18+

ИМЕЮТСЯ СЦЕНЫ НЕСТОЯЩИХ
НЕФОРМАЛЬНАЯ ЛЕКЦИЯ

Annotation

Маленькая девочка на просторах огромной страны. Одна. Совсем одна...
Куда она идёт? Что ждёт её в пути, на этой дороге без начала и конца?

Глава 1

Бодро шагая по тротуару, я не переставал думать. Тщательно прокручивая события своей эпической битвы в вагоне электропоезда, я поймал себя на мысли о том, что в последнее время действую, без какого бы то ни было участия Инги. Я думаю один, я принимаю решение один, я действую один.

— Почему, Инга?

Инга откликнулась как то не сразу:

— Я сама не понимаю, что происходит. Меня как бы всё меньше, а тебя — всё больше. Чувствую себя ненужной и лишней. У тебя есть цель. У тебя есть план... планы на будущее. У меня уже нет ничего. Моих обидчиков ты убил. Зло наказано, добро торжествует. А я не нужна.

— Нужна, Инга! Очень нужна!

— Зачем?

— Ну, хотя бы затем, что в этом мире у меня нет никого кроме тебя. И наше будущее существование зависит не только от меня, но и от тебя.

— Я боюсь помешать тебе. Тогда в вагоне, когда вошли эти... Я испугалась. Я спряталась. А ты, не раздумывая, встал и... Ты их убил?

— Точно не знаю. Когда уходил, были живы. Хотя, я придерживаюсь обычно других принципов. Хороший враг — мёртвый враг!

— Меня это тоже пугает. Когда ты говорил про убийц и маньяков... Я была согласна, что их надо остановить. Но убивать всех подряд.

— Ты разве не поняла? Это была не просто вагонная шпана. Они были готовы бить, насиловать, резать. Может даже и убивать. Это уже за гранью. Потом, обычно уже на суде, такие подонки плачут: Пожалейте! Мы не хотели. Мы больше не будем... А их мамы и папы обвиняют всех вокруг в том, что наказали и посадили их деточек. Невинных овечек, которых злые дяди огульно обвиняют в преступлениях, которые их деточки не совершали. Ну, а то, что их «невинные деточки» — уже законченные подонки... Это их не волнует. Если бы я не остановил этих «добрых мальчиков», то что бы они сделали с теми девочками?

— Ну... Ту, что постарше... Могли и ножом пырнуть. Ведь она дала отпор их главарю... Здорово ты его назвал — «главный бабуин»!

— Она не дала отпор. Она только попыталась дать ему отпор. И этим самым только его разозлила. Вот он и достал нож. А уж убил бы он её или только порезал... Кто же знает. История пошла по другому маршруту. Такие твари сильны лишь в стае. И нагло они себя ведут лишь со слабыми. Был бы в вагоне хотя бы один сотрудник милиции в форме, то они просто бы прошли через вагон и никого не тронули бы. Их время ещё не настало. Их время придёт позже. Лет через двадцать, в девяностых, их и менты бы не остановили. А в руках у них были бы уже не ножи, а пистолеты.

— Неужели такое будет?

— Будет, Инга... Будет. И с этим я, увы, ничего не могу поделать. Исторические процессы — это как поезд, локомотив который летит с огромной скоростью. И с пути его не свернуть одному человеку.

— А если этот человек машинист? Он просто затормозит, и остановит поезд.

— Ну, во-первых: поезд нельзя остановить так вот сразу. А во-вторых: Я — не

машинист. Я не могу в одиночку изменить историю.

— А ещё можно на рельсы что-нибудь положить и поезд сойдёт с рельсов...

— Ага. И при этом погибнут невинные люди, едущие в этом поезде. А может и ещё кто-то в том месте, где поезд слетит со своего пути. Это называется революция. Всё резко меняется. Но при этом гибнут люди. Много людей. Много ни в чём не виновных людей.

— Значит, нет смысла что-то пытаться сделать?

— В глобальном масштабе — нет. Но можно слегка подчистить этот мир и сделать его хоть немного, но чище.

— Убивая злодеев?

— Да. Но при этом я... Мы, тоже попадаем под категорию злодеев. Как минимум в глазах ментов. А то и в глазах обычных людей. Ты заметила, как смотрели эти девочки? Как они смотрели на нас?

— На тебя. Я тут ни при чём...

— Хорошо. На меня. Как они смотрели на меня, когда я положил этих гопников? Как на что-то мерзкое и гадкое. Я для них был таким же, как и те, кто к ним приставал за несколько секунд до этого. Шпана, хулиган, бандит. Кто угодно, только не герой-спаситель. Они не успели понять, какая опасность им грозила. Они не успели толком даже испугаться этих троих. Это я, уже мысленно прокрутив возможное развитие событий, принял решение и ликвидировал угрозу. Но они увидели лишь, как страшный человек избил сразу троих. В их глазах я был страшнее того, что могло бы произойти с ними. Если те трое были для них страшной угрозой, то насколько я страшнее их, если за минуту раскидал их в разные стороны? Они меня боялись. Так и остальные люди не оценят того, что я планирую сделать. Для них убитый учитель по фамилии Чикатило будет жертвой. А я, если меня поймают — убийцей.

— Но он же...

— А как им это доказать? Люди редко смотрят глубоко. А на поверхности будет лишь мёртвый учитель и злобный злодей.

— Теперь я знаю, кто ты... — хихикает Инга. — Ты злобный злодей.

По дороге, обогнав меня, притормозил 412-й Москвич ярко-жёлтого канареечного цвета с синей полосой на борту. Белым по синему отчётливо читалась надпись на этой полосе «МИЛИЦИЯ».

Милиция? Я напрягся, но продолжал спокойно идти, не меняя направления своего движения. В голове роились тысячи мыслей сразу. Неужели менты уже обнаружили побитых мною «мальчиков», опросили свидетелей, установили словесный портрет «виновного», и сейчас меня будут брать... Нет. Времени прошло слишком мало. Тогда что? Просто проверка документов? Тут можно проскочить. Я еду в Ивановскую область. На Родину. После окончания восьми классов. Там, я получу паспорт и т. д. Можно отмазаться, если глубоко копать не будут.

Так. Ещё что-нибудь?

Не знаю. Мало информации.

Водительская дверь «Москвича» распахнулась. Молоденький милиционер с двумя звёздочками на погоне вышел из машины и направился ко мне. Лейтенант. Почему один? Обычно в экипаже есть сержанты, рядовые. И для проверки документов или для задержания «злодея» первым выскакивает обычно тот, кто званием ниже... Может остальные в этом экипаже — майоры и полковники? Бред. Что же происходит?

— Молодой человек! Задержитесь на минутку!

«Молодой человек»? Обычно в лексиконе ментов звучит: «Гражданин!». Странно.

— Вы мне? — голос мой немного хрипит... Наверное продуло после поезда. Ну. Да. Там я разогрелся, а потом на мороз... Хотя какой мороз. Так себе...

— Да. Есть пара вопросов...

Ага. Всё-таки есть вопросы...

В это время распахивается передняя пассажирская дверь и выходит... Да. Та самая дама, что сопровождала девочек в поезде. Блин. Её тут только не хватало. Сейчас на меня обрушится груз обвинений за произошедшее в вагоне. Но, неожиданно, она обратилась к лейтенанту?

— Коля! Ну, что ты напал на бедного мальчика. Он... Он так помог нам. Он заступился за нас.

Милиционер немного потупился.

— Да, я...

А женщина подошла ко мне и просто поинтересовалась:

— Ты куда идёшь? Ночью у нас автобусы уже не ходят. У тебя есть кто-то нашем городе?

— Нет. Я тут никого не знаю. А иду... Наверно в сторону большого шоссе. Мне надо добраться в Ивановскую область. А на шоссе я могу поймать попутную машину.

— Ночью? Ты скорее под машину попадёшь, чем тебя кто-то подвезёт. Давай. Ты поедешь с нами. У нас переночуешь, а утром... Утром Коля тебя подвезёт до поста ГАИ. А там, тебе помогут. Найдут попутную машину. Поможешь, Коля?

Милицейский лейтенант, только кивнул в ответ.

Вот это расклад. Что бы это значило?

— Мне не очень-то удобно. Вы меня даже не знаете и вот так просто приглашаете к себе домой незнакомого человека?

— И не спорь! — безапелляционно заявляет строгая дама. — Садись в машину!

Скинув рюкзак с плеча, я сажусь на заднее сиденье, слегка придавив сидящих там девчонок. Они смотрели на меня очень настороженно. Взрослые сели спереди. А Коля, ловко переключая передачи, повёл машину по ночным улицам Орехово-Зуева.

Девочку со скрипкой мы высадили у одиноко стоящего на окраине частного дома. Её встречали родители. Маленький толстый мужчина. Из его достоинств можно было выделить плешь на полголовы и выдающийся нос. Полноватая женщина, типичная «еврейская мама» закидала свою дочь сразу миллионом вопросов? «Как всё прошло, Софочка? Тебе дали там поесть? Ты не замёрзла... и т. д. и т. п.» Вопросы не кончались. Было видно, что девочке было не очень комфортно от такого показного внимания со стороны заботливой мамы.

Не задерживаясь, мы отправились дальше. Коля привёз нас к новому девятиэтажному дому с одним подъездом.

— Ты езжай, Коля. Мы тут сами разберёмся.

— Но...

— Не спорь. Ты утром заедешь?

— Да. После развода, часов в десять нормально будет?

— Нормально. Можно и попозже. Я выходная, а Ленка в школу не пойдёт...

— А...

— Всё. Езжай, Коля!

Бросив на меня типично ментовской прошупывающий взгляд, лейтенант-Коля, хлопнув дверью, завёл машину. Не успел жёлтый «Москвич» скрыться за углом, а строгая дама уже сказала: «Пошли!» и вошла в подъезд. Закинув рюкзачок на плечо, я пошёл вслед за ней. Та, кого в разговоре назвали Ленкой. Уже скакала по ступенькам впереди нас.

Мы поднялись на лифте до шестого этажа. Крайняя слева от лифта квартира встретила нас тишиной. Нас явно там никто не ждал.

— Раздевайся, проходи на кухню! — это, обращаясь ко мне.

— Ленка! В ванную! — это уже не мне.

— Ну, мам.

— И не спорь!

Значит всё-таки мадама — это мама. Без строгого пальто, она оказалась довольно стройной, но не худой, женщиной лет тридцати. Спортивная такая тётя.

Я повесил куртку на вешалку в прихожей, а кепку бросил на верхнюю полку. Ботинки на обувную полочку. Рюкзак просто оставил на полу у входной двери.

— Вон тапочки...

Мне достались растоптанные тапочки на несколько размеров больше чем надо... Видимо специальные, гостевые.

Всё кругом было до боли знакомо. Сколько я видел таких квартир. Вполне упакованных по советским меркам, но всё же бедноватым по меркам моих двадцатых годов двадцать первого века.

На кухне я сразу же прошёл к мойке и тщательно вымыл руки с мылом, чем заслужил одобрительный взгляд хозяйки квартиры. Ну а потом я уселся на табуретку у кухонного столика и молча наблюдал, как накинущая кухонный фартук гостеприимная женщина суетится между плитой и холодильником. Холодильник я узнал сразу. Это был именно тот, который стоял на моей кухне в моём детстве. Первый прямоугольный холодильник ЗИЛ. Я помнил его до мельчайших деталей. Оставаясь один после школы, я из него извлекал то, что оставляла мне мама на обед. Кастрюльку с супом. Или ещё чего вкусного. А ещё, проявляя

самостоятельность я уже в первом классе стал сам себе делать яичницу с колбасой или просто поджаривал гренки из чёрного хлеба на подсолнечном масле. Родители работали долго. Мама в семь приходила с работы, а папа и того позже. Когда как... Ну а я кулинарил от души в меру своих детских разумений. Делал блинчики, жарил картошку с луком... Нет. Тут я соврамши. Лук я тогда ещё не любил. Просто жарил картошку. Нарезал тонкими дольками и жарил с солью...

Почему-то мне стало по-домашнему уютно. И эта кухня... И эта женщина, нарезающая сейчас бутерброды.

— Как я могу к вам обращаться?

— Меня зовут Ирина Анатольевна. А тебя?

— Саша.

— Ты сам откуда?

— Сейчас или вообще?

— Да... Давай мы сначала попьем чаю, а потом ты подробно мне расскажешь о себе.

Если, конечно...

— Хорошо. Давайте начнём с чая.

Она мило улыбнулась. Странно. В ней почти совсем не осталось той напускной строгости, которая была раньше. Видимо Ирина дома и Ирина Анатольевна вне дома — это два разных человека.

Чай был вкусный. Индийский. Со слонем. Хозяйка заварила его в маленьком фарфоровом чайничке. А уж потом после того, как были готовы бутерброды с докторской колбасой, и на столе появилась хрустальная вазочка с шоколадными конфетами, разлила по небольшим чайным фарфоровым чашкам.

Я никогда не любил этот чайный ритуал при приёме гостей в советские времена. Из сервантов появлялись красивые чашечки из сервиза. Обычно эти сервизы изображали музей тщеславия, красуясь за стеклянной витриной полированных шкафов. Я всегда любил простой бокал объёмом примерно триста пятьдесят миллилитров. Кружку скорее всего. Но не железную эмалированную или алюминиевую кружку. Это, скорее всего ближе к деревенскому быту. Кружка должна быть или стеклянной, или керамической. Я не буду долго обсуждать разницу между фарфором и фаянсом, но скорее всего я в своём будущем чаще пользовался фаянсовыми кружками. И они меня вполне устраивали и по объёму и по качеству.

Но сейчас передо мной стояла симпатичная фарфоровая чашечка с ажурной ручкой. Для моей нынешней девичьей руки в самый раз. Но не моё... Как ни крути.

Заметив мой слегка иронический взгляд на чашку с чаем. Ирина Анатольевна спросила:

— Что-то не так?

— Нет. Спасибо! Всё нормально. Просто боязно пользоваться такой красивой хрупкой чашечкой. Боюсь сломать или разбить.

А у неё и смех замечательный, мелодичный, как звон колокольчиков.

— Не бойся! У меня ещё есть... Но это не значит, что надо всё обязательно бить и ломать...

— Я постараюсь.

Чай был обжигающим, и я подул на него. Взяв шоколадную конфету из вазочки, я развернул фантик и откусил половину. Конфета была из разряда больших. Та самая знаменитая «Ну-ка отними!». На фантике девочка дразнит конфетой собаку. Что сказать?

Вкусно. Как в детстве.

Запивая конфету чаем, я внимательно наблюдал за женщиной, а она так же наблюдала за мной. Эти гляделки длились и во время поедания одного из бутербродов. Прервалось наше обоюдное разглядывание лишь когда из ванной появилась Ленка в ситцевом халате.

— Так, Лена, пора спать.

— Ну, ма-ам...

— Время уже поздно.

— А чай?

На лице строгой мамы боролись какие-то внутренние чувства, но победила добрая мама, которая не могла оставить ребёнка голодным.

— Ладно. Быстренько пей чай и спать!

Довольная девочка взгромоздилась на табуретку напротив меня. Теперь меня рассматривали уже две пары глаз.

Делая вид, что не замечаю повышенного внимания к себе, продолжаю поедание уже второго бутерброда.

Маленькая Ленка тоже не особенно торопится «быстренько» пить свой чай. Сейчас видно, что по возрасту она меня (Инги) моложе. Лет двенадцать, не больше. Её любопытство было неподдельным.

Допив уже вторую чашку, я уже был готов отвечать на вопросы Ирины Анатольевны, но она их не торопилась задавать. Видимо хотела дожидаться ухода любопытной дочери. Но меня присутствие девчонки не стесняло.

Я не стал долго раздумывать. Мне нравились эти люди. Люди, которые не побоялись пригласить к себе домой незнакомого человека на ночь глядя. Люди, которые даже не спросив ещё кто я и откуда, уже обогрели и накормили путника. Простые хорошие люди.

— Ирина Анатольевна! Вы хотели у меня что-то спросить?

— Да... — она слегка замялась. — Да. Расскажи о себе! Кто ты, откуда?... Куда?

— Меня зовут Саша. Саша Котова.

Вы бы видели их изумлённые вытянутые лица. А глаза? Вот это были глаза!

— Ты?... Ты — девочка? — строгая мама исчезла. На её месте теперь была удивлённая девочка, которую обманул фокусник, подсунув пустой фантик вместо конфеты.

— Ты — девочка? — присоединилась к ней её дочь.

— Да... — спокойно ответил я. — Могу показать документы.

— Покажи! — требовательно попросила мама Ира.

Я пошёл в прихожую и извлёк из внутреннего кармана куртки свои документы на имя Александры Котовой. Свидетельство о рождении, аттестат об окончании восьми классов школы-интерната, справку о смерти мамы, Светланы Ивановны Котовой.

Ирина Анатольевна читала внимательно. А прочитав, задала мне вопрос:

— Тебе пятнадцать лет?

— Да. В этом году уже и шестнадцать будет осенью.

— А на вид тебе меньше.

Вот же глаз-алмаз. Сразу подмечает все несоответствия документов и внешнего вида.

— Ну, вот такая я маленькая...

— Ты окончила восемь классов в прошлом году.

— Да. А потом я попала в больницу и почти полгода пролежала там...

— И чем ты болела?

Я не стал долго и нудно перечислять то, что со мной приключилось. Просто встал и задрал водолазку, показал свой изборождённый шрамами живот.

— Какой кошмар! Что это? — если Ленку мои шрамы просто напугали, то женщина прекрасно поняла, что повреждения моего организма просто огромны.

— Ирина Анатольевна! Давайте я потом, попозже всё вам расскажу. А сейчас можно ли мне принять ванну или хотя бы сходить под душ.

— Да, да, конечно., - она засуетилась. — Лена! Иди спать!

На этот раз дочь послушалась и молча удалилась с кухни. Мне вручили большое вафельное полотенце. Достав из рюкзака запасные трусы и майку, я зашёл в ванную комнату. Ещё стоял пар после Ленки. Заткнув пробку, стал наполнять горячей водой белую эмалированную ванну. Раздевшись, окунулся сразу с головой. Ванна была нормального размера, а я для этой ванны — мелковат. Но как же хорошо!

Глава 3

Блаженство. Как давно в последний раз я принимал ванну? Пятьдесят лет тому вперёд? Или семь лет назад?

— Инга! У вас дома была ванна?

— Маленькая. Такую называют сидячая. Но с душем. А в такой большой я в первый раз. В интернате был только душ.

— Наслаждайся! Когда ещё в следующий раз удастся такое?

Я с удовольствием валялся, отмокал в горячей воде. Натирал себя мочалкой с земляничным мылом. Стоя под струями душа я мыл голову шампунем «Лесной» из стеклянной бутылочки. Кто придумал делать шампунь в стеклянном флаконе? В ванной его легко можно выронить из рук и разбить вдребезги о кафельную плитку или о край ванной. Шампунь плохо мылился и щипал глаза. Даже не смотря на то, что я зажмурился, едкая пена всё равно уже начала своё гнусное дело. Глаза мои горели огнём.

Вдруг я почувствовал лёгкое дуновение. Как будто сквознячок прошёлся по мокрому телу. Я открыл глаза, и не смотря на разъедающую их пену, глядел на заглянувшую в дверь ванной комнаты Ирину. А она пристально смотрела на меня. Это длилось примерно с минуту. Видимо удовлетворив своё любопытство и убедившись, что я именно ТА, за кого себя выдаю, женщина закрыла дверь. А что? Я её понимаю. Мои слова и документы ни о чём не говорили. Одет я был под мальчика. Дрался, как мужик. Что она должна была подумать? И даже когда я объявил о своей принадлежности к женскому полу, сомнения в моих словах у неё остались. Ну, теперь все непонятки должны быть развеяны. После созерцания моего голенького тельца под душем, вряд ли кто примет меня за мальчика. Хы...

После ванны я чувствовал себя свежим и чистым. Но видимо очередной очень длинный день давал себя знать. Глаза уже просто слипались. Спать хотелось невероятно.

— Я постелила тебе. Вон там, на раскладушке.

Раскладушка! Советская раскладушка — это нечто. Скрипучий монстр. Сколько воспоминаний. Почти в любой советской квартире всегда такая была в запасе, для гостей. И у нас, в той моей жизни тоже. Когда у моих родителей оставались ночевать родственники из Ленинграда, то их клали спать на мой диван, а мне выставляли раскладушку, достав её из кладовки. Тогда она провисала почти до пола под моей тушкой. Я был довольно крупным и спортивным мальчиком. Сейчас же эта конструкция из гнутых трубок лишь чуть скрипнула, приняв моё лёгкое девичье тело.

Заснул я практически сразу, мгновенно провалившись в долину снов. Кстати, снов мне в эту ночь никаких не снилось.

Разбудила меня утром Ленка. Ну, скорее всего не сама Ленка, а шум ею производимый. Видимо стадо слонopotамов отдыхает по сравнению с этим бедствием по имени Ленка.

Я открыл глаза. В окно заглядывало солнышко. На кухне позвякивала посуда. А в другой комнате снова что-то брякнулось на пол, издав очередную порцию шума. По коридору прошлёпали мамины тапочки, и из соседней комнаты раздались звуки приглушённого разговора. Мама читала нотации своей расшалившейся девочке.

Я потянулся и встал с раскладушки. Жалобно скрипнув подо мной, моя временная кровать отпустила меня из своих объятий.

— Доброе утро!

Это я сказал проходящей мимо по коридору Ирине Анатольевне.

— Доброе! — сказала мне женщина, пристально меня оглядывая., - Проснулась уже?...

А почему у тебя вся одежда... мужская?

— А так удобнее путешествовать. Да и к мальчишкам цепляются меньше.

— Ну, да... — глубокомысленно и задумчиво проговорила Ирина., - Иди умываться. А потом — завтракать!

Тон её был непоколебимым и возражений явно не принимал. Она точно хозяйка в этом доме. Интересно, а где тогда хозяин? И кто такой лейтенант-Коля? Ещё вчера в ванной я заметил, что следов мужчины в этом доме нет. Ни бритвы, ни помазка. Да и в прихожей не было мужских вещей. Типичное женское царство. Но меня это в принципе не касается. Сейчас поем, да и отвалю. Типа: Спасибо этому дому, пойдём к другому...

Зубную щётку я купил ещё в Ленинграде. Имея большой опыт общения с стоматологами в прошлой жизни, в этой я тщательно заботился о своих зубах. Да и вообще о своём здоровье. Не считая того, что меня изуродовали, а потом и искромсали в больнице. В остальном проблем со здоровьем не было. Да и регенерация после операции у меня прошла на удивление быстро. Это и врачи замечали, списывая на то, что организм молодой. Но я подозреваю, что не всё так просто. Скорее всего, перемещение во времени моего сознания как-то повлияло на организм Инги. Кто-то скажет, что это фантастика и такого не может быть. А перемещение и вселение сознания взрослого мужика в юное тело погибшей девочки — это не фантастика? Да. Я не оговорился. Именно погибшей. Потому что с такими травмами шанс выжить у Инги был ноль, ноль, ноль, ноль... И чудо было не только в том, что нам с Ингой удалось выжить, но и в солидном укреплении организма. При сохранении внешней subtilности. Возможности тела возросли многократно. Я в этом убедился, когда расправлялся с гопниками в вагоне. Действовал то я машинально, на рефлекс, но мои удары были гораздо сокрушительнее, чем просто удары тринадцатилетней девочки весом в сорок килограмм. Прямо супергёрл какой-то получился.

На завтрак была каша. Да что там... КАША! Вкусная манная каша. Ленка немножко капризничала, а я съел всю тарелку и попросил добавки. Мама Ира с видимым удовольствием снова наполнила мою тарелку. Было видно, что ей было приятно кормить меня. А манную кашу я любил с детства. Ещё с того детства, моего.

Ленка отказалась доедать свою порцию, и мать её благосклонно отпустила. Девчонка ускочила в свою комнату.

Забрав у меня во второй раз опустошённую тарелку и отправив её в раковину, Ирина Анатольевна пристально посмотрела на меня и спросила:

— Расскажешь мне то, о чём вчера не договорили?

— Расскажу... — и я начал рассказывать.

Конечно, моя история была насквозь выдуманной, как голливудское кино, но при этом, как американские сценаристы пишут в титрах: Основано на реальных событиях.

Так что, смешав в одну кучу историю Александры и историю падения с крыши Инги, а также и историю потери ею после этого памяти о том, что с ней было. Короче. Получилось всё складно, и врал я самозабвенно. Но в своём вранье, я был настолько искренен, насколько это было возможно. Это, наверное, наследие школы-интерната. Сколько там душещипательных историй можно услышать от воспитанников. Там не только Голливуд, но и Болливуд отдыхает и плачет от умиления..

Мне кажется, что мне поверили. По крайней мере, судя по намокшим глазам Ирины

Анатолевны было ясно, что моя история её проняла. Ну, что же? Значит я настоящий вун, раз мне верит такая опытная женщина. Пытаясь вжиться в придуманную историю, чтобы соответствовать своим новым документам, я сам так поверил во всё придуманное, что порою казалось, что и город Пучеж в Ивановской области, и родная тётя Наташа в городе Армавире, это реальная часть моей реальной истории. Так всегда бывает. Если веришь в своё вранье, то и другие поверят. Кстати, про то, что тётя Наташа уехала работать в Армавир, я не упомянул. Придерживаясь своей легенды, я всего лишь сообщил информацию, что у меня есть родная тётя, сестра моей мамы.

— Ну и куда ты дальше?

— Поеду в свой родной город. Осенью получу паспорт. Устроюсь на работу.

— Куда планируешь пойти работать?

— В Иваново много текстильных комбинатов. Там всегда требуется «свежее мясо».

— «Свежее мясо» — интересное выражение, — усмехнулась моя собеседница., - Деньги то у тебя есть на дорогу?

— Есть, спасибо...

— Тебе спасибо, Сашенька!

— За что?

— Ты нас спасла от тех подонков.

— Да, ладно...

— И вовсе не ладно. Я не сразу поняла, от какой беды ты нас уберегла. Ведь эти...

— Ирина Анатольевна! А разве я могла поступить иначе?

— Но ведь другие, те кто были в вагоне, сбежали...

— А я не другие. Я сама другая. Не такая, как все.

— Я это заметила. Слушай! А ты точно хочешь путешествовать в этом костюме, играя роль мальчика в дороге.

— Ну, у меня сейчас даже нет ничего другого, чтобы переодеться.

— А хочешь, я дам тебе что-нибудь из Ленкиных вещей? Она, не смотря на возраст, покрупнее тебя будет. И кое-что из того, что ей мало, тебе может оказаться в самый раз.

— Ну, я не против, если Вам не жалко.

— Для тебя — не жалко.

И мы пошли в комнату к Ленке. Посвятив дочь в свою задумку, мама Ира начала ревизию шкафов. Малолетняя проказница восприняла всё это, как новую игру и мы все втроём погрузились в недра одёжного шкафа. Ну, прям «дверь в Нарнию»... Почти...

В результате почти двухчасового марафона, я был полностью экипирован. Некоторые вещи маленькой жмотнице были так дороги, что она не хотела с ними расставаться. Несмотря на уговоры матери. И несмотря на то, что эти вещи были ей уже безнадежно малы, а мне в самый раз. Но, в конце концов, я оказался одет, как девочка. И когда к нам приехал лейтенант-Коля, то он реально офигел. Вечером он оставлял дома у родной сестры незнакомого мальчишку, а с утра мальчишка превратился в незнакомую девчонку.

Да. Он оказался младшим братом Ирины. Отслужил срочную службу в армии, и окончив школу милиции, устроился работать в местном РУВД. О происшествии в вагоне сестра ему рассказала усечённую версию произошедшего. Дескать, приставали хулиганы, а Саша их прогнала. Ну и слегка побила.

Конечно, как сотрудник милиции он сможет позже узнать подробности. Но раз он ещё не узнал, то значит трупов в вагоне пока не нашли. Или «трупы» ушли на своих ногах... А

побитая шпана не всегда обращается в милицию с заявлением, что их побили. Для них это запахло. Ну и ладно. Мне это только на руку.

Коля «практически добровольно» вызвался подбросить меня до поста ГАИ на Владимирской трассе и помочь мне поймать машину до Иванова. Ну а я уже стал подумывать: А оно мне надо это Иваново? Это ведь я только для Ирины озвучил версию, что мне туда надо. Наверное, придётся всё же воспользоваться помощью Николая. Хотя сам он не сильно горел быть добровольным помощником несовершеннолетних путешественников. Это его Ирина настропала. И настойчиво так попросила. А настаивать на своём она умеет. Серьёзная женщина. Преподаватель музыки в местной музыкальной школе.

Я переоделся в мальчика, а свои девичьи обновки сложил в рюкзак. Прощаясь со мной, Ирина меня обняла и сказала:

— Если возникнут какие-либо проблемы и будешь где-то рядом, заезжай, не стесняйся! Адрес знаешь.

А я пообещал, что как только так сразу. Хотя твёрдо знал, что вряд ли когда-нибудь увижусь с этой милой женщиной и с её любопытной и шумной дочкой.

Николай был молчалив и сосредоточен. А я сидел на заднем сиденье его служебного москвича и размышлял.

В принципе, пока всё складывалось в цвет, но как-то всё так сумбурно и спонтанно, что и самому не верится.

Просто помог женщине донести на вокзале вещи... И она тут же оказывается родной тётёй моего «аватара». Личину, которую я выбрал совершенно случайно, просто по совпадению с моей фамилией из будущего. И тут тётя. И Инга, дочь цыганского циркача, но почему-то со светлыми волосами, в глазах тётки Наташи легко вписывается в легенду о дочери пленного немца. То есть полное совпадение с выбранными мною случайно документами из случайно взятых папок с личными делами девчонок самовольно покинувших школу-интернат. А может быть всё не случайно? И вся эта цепь совпадений имеет под собою какую-то закономерность. Или что-то свыше направляет меня своей незримою рукой? Мистика? А моё вселение в тело Инги — это не мистика?

Я случайно выбираю вагон и еду в случайном направлении, тупо повторяя маршрут когда-то в будущем прочитанного опуса Венедикта Ерофеева «Москва-Петушки». Тут же в моём вагоне возникает конфликт, в который я вписываюсь, поддавшись какому-то неосознанному рефлексу. А это мне потом подарило возможность отмыться в ванной и выспаться за все предыдущие дни сразу. Но я даже не помню, что меня подтолкнуло на тот неравный бой с теми тремя отморозками. Возможно именно моё бывшее «Я», осознающее себя сильным и крепким мужиком бросилось на защиту женщины с детьми. Но тело Инги разве готово было к такому бою?

— Я бы сама никогда бы не бросилась атаковать этих трёх громил. Я скорее бы сбежала вместе с теми тётками.

— Вот я и о том же. Но ты меня и не затормозила даже.

— Я испугалась. И... Меня что-то держало. Я как бы замерла в ступоре. Так, кажется, называется такое состояние.

— Ну, да. Примерно так и называется. Я тоже помню, что тебя как бы вообще в тот момент не существовало. И я действовал один, и даже не задумывался над тем, что и как делать. Тело слушалось так, как будто бы это было моё настоящее тело из будущего. И даже лучше чем своё. Более гибкое и ловкое тело. И оно было полностью моим.

— Поэтому я и чувствую себя лишней.

— Инга! Перестань! Я без тебя — уже не я.

— Саш! Ты думаешь, что нами кто-то руководит?

— Не то чтобы руководит, но как будто ведёт. Направляет туда, куда нужно.

— Кому нужно?

— Кому-то... Может, богу?...

— Богу? Ты веришь в бога?

— Не знаю кому нужно. А насчёт веры... Есть такое понятие — агностик.

— Что это? Это как атеист?

— Нет. Понимаешь, Инга: Агностики не отрицают бога, то есть не отрицают возможность существования бога или богов, но и не принимают их существование. Такая, знаешь ли, нейтральная позиция. Они не атеисты, так как согласны с тем, что есть там где-

то что-то свыше. Но не какой-то конкретный бог или боги, а что-то сверхъестественное. Высший разум, информационное поле или ещё что-то в этом духе. Так что возможно что-то или кто-то где-то там и создал нашу жизнь. А может и сейчас следит за нами и руководит нашими поступками.

— Но, что-то свыше — это бог?

— Не обязательно. А вдруг это умные разумные инопланетяне или просто сгусток магнитных волн определённой длины.

— ... И... Что...

— И... Ничего... Инга! Мы слегка уклонились от темы. Лекции по философии давай оставим на потом. Сейчас нам важно подумать о том, как быть, как жить и что делать...

— Ну... Ты сказал, что нужны деньги, чтобы куролесить по стране и мочить маньяков.

— Ты с этим согласна?

— Ууу... Я не знаю.

— Вот и я не знаю. Но я чувствую, что дело не в этом. Или не совсем в этом. Мне пока что непонятна цель.

— Какая цель?

— Цель моего перерождения. Смысл всего происходящего. Я уж не говорю про то, что мне непонятен механизм моего вселения в тебя. И именно из-за этого непонимания и возникает проблема выбора дальнейших действий. У меня складывается такое ощущение, что от моего, от нашего выбора мало что зависит. Всё происходит как бы само собой. Ситуации складываются таким образом, что это как бы мы сами выбираем свой путь, а на самом деле...

— Что на самом деле?

— А я не знаю, что на самом деле. Вот представь: Бурная река, а по ней на куске деревяшки сидит маленькая мышка. И её несёт, несёт куда-то. А мышка не знает, куда её несёт. И от действий мышки мало что зависит. Но когда мышка дёргается от страха, то дощечка слегка смещается то туда, то сюда. И у мышки может создаться впечатление, что она может управлять направлением своего, скажем так, путешествия. Но возможности повлиять на общую траекторию пути у мышки нет. Так, чуть влево или чуть вправо она может смещаться, но поток неудержимо несёт её дальше. А что там дальше? Может, водопад. И мышка разобьётся о камни, упав с большой высоты. А может река плавно спустится в долину и там, на равнине дощечку с мышкой прибьёт к берегу, где она спасётся.

— А если мышка спрыгнет и поплывёт?

— Тут опять же всё пятьдесят на пятьдесят. Либо выплывает, либо утонет. И от умения плавать бедного мышонка, тоже ничего не зависит. Накроет большой волной, или о камни ударит. А может и щука проглотит. Какие тогда шансы добраться до берега?

— То есть нам даже не стоит пытаться что-то делать самим?

— Стоит. Обязательно стоит. Как это не банально звучит, но на ум приходит лишь старая притча о двух лягушках.

— Не надо. Я всё поняла. Одна лягушка сложила лапки, а другая бултыхалась и выбралась. Слышала такое уже...

— Да. Всё верно. Но тут вопрос: Сначала ведь кто-то бросил этих лягушек в молоко. Кто этот кто?

— Кто-то свыше?

— Вот и я о том же.

Коля всё так же молча вёл машину. За всю дорогу он не задал мне ни одного вопроса. Странно. Обычно менты любопытные.

Впереди показался пост ГАИ. Стандартный такой для этих времён. Но я уже давно такого не видел. Со стороны — сарай со стёклами. Нет ещё того пафоса постов ГИБДД будущего. Правда их потом стали повсеместно отменять и закрывать. После чего на их местах стали появляться придорожные кафешки, шиномонтаж и прочая хрень. Но пока до этого ещё далеко. И стоит вот на перекрёстке дорог сараюшка с антенной. А рядом «тусуются» люди в серой форме. Ну, совсем не похожи на гаишников моего будущего. Все в серых шинелях. Никаких тебе нагрудных блях. Один в дурацком шлеме. На нём в отличие от других кожаная куртка и сапоги. Ясно. Вон и мотоцикл его стоит с коляской.

Мой «добровольный» водитель Коля, остановил машину чуть-чуть не доезжая, но почти рядом с гаишным сарайчиком. Вышел и пошёл договариваться. Я сидел в машине и не отвечивал. Минут через несколько, не больше пятнадцати, один из гайцов тормознул грузовик забрызганный грязью. Водила из грузовика вылез расстроенный и с виноватым видом поплёлся на экзекуцию к этим «продавцам полосатых палочек». Да... С годами ничего не меняется. После вялой проверки документов инспектор, что-то сказал водителю и махнул рукой куда-то в сторону машины в которой я сидел. Даже издали мне было видно, как на уставшем лице расцветала довольная улыбка. Куда там голливудской. Водила был рад, наверное, не только отвезти меня до нужного адреса, но и занести на нужный мне этаж на руках. По крайней мере прямо сейчас. Он закивал головой как китайский болванчик.

Коля махнул мне рукой и я, прихватив свой рюкзачок с нехитрым скарбом, выйдя из «Москвича» пошёл навстречу своим новым приключениям.

Расставание с лейтенантом-Колей не было трогательным. Я сказал: «Спасибо!». Он что-то нечленораздельно пробурчал в ответ. Не знаю, почему он ко мне так отнёсся. Я вроде бы ничего плохого ему не сделал. И в чай утром не плевал. Чесно слово!

Развернувшись, нарушая все правила движения, Колин милицейский «Москвич» исчез раньше, чем мой новый водитель завёл свою колымагу.

Похоже это был ГАЗ. А какой уж ГАЗ я не знаю. В модификациях грузовиков я никогда не был особо силён. Шишигу от ЗИЛа отличаю, и ладно...

От водилы пахло... Водилой, блин. Табачный запах с примесью бензина и масла. Нормальный такой дядька лет под сорок. Явно потрёпанный жизнью. Вон даже и на правой руке, которой он ловко переключал рычаг синела татуха с буквами на костяшках «К.О.Л.Я.». Что? Опять Коля?

— Куда едешь, пацан? — водила явно принял меня за мелкое существо мужского пола.

— В Ивановскую область.

— Да это я и так знаю. Мент сказал. Я-то думал, меня сейчас эта... обдерут, как липку. А у меня в кармане — вошь на аркане. А тут вот оно как... У куда тебе в области?

— Пучеж...

— Не. Не доедем. Мне до Шуи. Да и то, не доезжая. Ну, ладна... Тама найдём кого-нибудь.

Я промолчал... А водиле было видно скучно, до встречи со мной и он продолжал доставать меня вопросами:

— К родне?

— Тётка у меня там.

— А папка с мамкой где?

— Нету.

— С детдома что ли?

— С интерната.

— Какая к хренам разница.

Я промолчал.

— А чего сам-то? Что тётка не смогла приехать?

— Она ещё не знает.

— Эт как так? Кто ж тебя мелкого отпустил? Сбежал что ль?

— Нет. После восьмилетки. Мне уже пятнадцать...

— Да ну нах...

Я снова промолчал. Но водила не унимался:

— А чего такой мелкий-то?

— Генетика такая... — я решил добить явно малообразованного шофёра эрудицией и заумными терминами.

— Это чё такое? Болезнь какая?

— Нет. Это наследственность. От папы с мамой. Ну и ещё... Кормили не очень... в интернате.

— Эт, да. — согласился работяга. — У нас, что на зоне, что в детдоме с кормёжкой не ахти...

Дорога стелилась нам под колёса. Разговор продолжался. Но вяло. Коля всё для себя про меня узнал уже. На его вопросы я старался отвечать покороче. И к тому же избегал личностных выражений, чтобы не нарушить свою легенду: Мелкий пацан из интерната. Едет к тётке... Ни к чему ему знать, что я не мальчик....

Я даже задремал. Мне даже не особо мешал дремать ни шум мотора, ни потряхивание

на ямках. Больше раздражал табачный дым. Курил Коля практически без остановки. Не выпуская беломорины изо рта, он в полголоса материл всё подряд. Дорогу, машину, ментов и... меня немного. Типа пацан дрыхнет. Не с кем поболтать.

Примерно часа через полтора меня пихнули в плечо. Я встрепенулся, а Коля с довольной улыбкой на лице торжественно произнёс:

— Глянь! Владимир. Красивый город. Бывал здесь раньше?

— Неа... — я сделал вид, что мне чрезвычайно любопытно, стал через окно разглядывать окраины старого города.

Во Владимире я бывал неоднократно и раньше. Но сравнив свои впечатления из будущего с нынешними понял: Отличается. Сильно. Много понастроили за сорок с лишним лет. И этот Владимир поменьше будет того будущего. Не торопясь и не превышая скорости в городе, мы проскочили Владимир довольно быстро.

— Через Суздаль поедем? — с видом местного знатока поинтересовался я.

— Не. На фиг. Там менты стоят... Недобрые, в общем... Козлы, блин. Лучше через Ковров. Там ремонт дороги до Шуи и ментов нет. Тока сперва горючку зальём.

На выезде из города и правда была заправка. Для меня это всё было как кино из прошлого. Колонки как часы со стрелкой. Название бензина А-66 и А-72 — тоже были как что-то древнее и давно забытое. А-76 и АИ-93 были всё же ближе мне. Я такими сортами и сам управлялся в девяностые. Правда девяносто третий позже почему-то стал девяносто вторым, но это уж мелочи. Меня это никак не касается.

Коля залил себе в бак топливо, и мы поехали дальше.

— Ты не голодный? — заботливо он спросил меня.

— Нет. Завтрак был недавно.

— Ага. А время уже к обеду. Бутер будешь?

— Буду.

Кусок чёрного хлеба с салом исчез так быстро, что я не успел даже насладиться его аппетитным чесночным ароматом. Ну, то есть. Аромат чеснока остался, а сало... испарилось в момент вместе с довольно толстым ломтём ржаного хлеба.

— Ну, вот... А говорил не голодный? — усмехнулся мой попутчик, — Держи ещё. Но больше не дам. А то мне не достанется... А нам ещё ехать и ехать...

После Коврова дорога превратилась в кошмар. Но Коля ловко объезжал глубокие ямки, не буксовал в глубоких лужах. Он явно знал дорогу.

— Дорогу, мля, ремонтируют. Уже год назад начали. Никак не закончат.

— Ага. — разговаривать при такой тряске себе дороже. Так можно и язык откусить...

Коля тоже молчал. Но курить стал в два раза чаще... Так мы ехали ещё примерно часа три. Наконец Коля притормозил у какой-то конструкции с буквами «Шуя». Вдали возвышалась большая белая колокольня.

— Хвост, чешуя... вот вам и Шуя. — сдохмил водитель. — Ну, чё? Тебе найти попутку или сам.

Явно было видно, что заморачиваться на поиски машины для малолетнего пацана, у Коли не было ни малейшего желания.

— Спасибо! Не надо. Справлюсь как-нибудь.

— Ну, давай! Бывай!

Я выпрыгнул из грузовика и захлопнул за собой дверь. Обдав меня едким выхлопом, машина удалилась от меня. А я стоял и думал: «Ну и на хрена я здесь?»

День клонился к вечеру. На моей трофейной «Ракете» стрелки показывали полшестого. Пора бы уже определиться: Остаться здесь или двигаться дальше? Направо пойдёшь — в Иваново попадёшь, а направо... А направо — долгая и извилистая дорога в сторону Горького, но перед Волгой, надо всего лишь свернуть направо и попадёшь в Пучеж. Спрашивается: А туда мне на хрена?

Глава 6

В городе Шуя мне пришлось задержаться на какое-то время.

Мне почти что сразу попался самый нужный магазин — «Хозтовары». Как и во всяком маленьком городке, ассортимент был не велик, но то, что мне надо я нашёл. Фонарик и двойной комплект батареек к нему. Небольшой топорик, Котелок, кружку, алюминиевую ложку... Подумал. И на всякий случай взял вторую ложку... Кухонный нож... Две «авоськи». Авоська — правильное изобретение для тех времён, когда ещё не было полиэтиленовых пакетов. Спички. Взял сразу пять коробок. Свечки.

Всё. Хватит. Выйдя из магазина на ближайшей лавочке вытряхнул из рюкзака свои вещи и собрал всё по новой, с учётом приобретённых полезностей. Котелок поместил в авоську. Так удобнее. И на спину давить не будет.

В булочной я купил буханку хлеба. Хлеб был не чёрный и не белый. А какой-то серый. Помню такие серые хлеба, у нас в армии были. Есть можно.

Потом нашёл и обычный продуктовый магазин. Народу не много. Даже странно. Зайдя в магазин, я понял, почему нет народу.

Да... Это неопишимо, как сказал Бобик, глядя на баобаб. С Пятёрочкой не сравнить. Ряды консервов и трёхлитровые пузатые стеклянные банки с соком. Тушёнки нет. Консервы в основном рыбные, но вот попался завтрак туриста. Возьму пару банок. Да и рыбные тоже можно. Кильку взять, что ли? Ну, ни фига себе? Шпроты. Дороже чем килька раза в три. Но я беру именно их. Также пару банок.

В молочном, я попросил нарезать мне двести грамм сыра. Толстая продавщица длинным ножом нарезала его. Сыр был одного сорта. «Сыр». Может, Российский? Какая разница. Взял ещё два плавленых сырка. К этому прибавилась ещё и Любительская колбаса. Также в нарезанном виде, и тоже грамм двести. Всё упаковывалось в коричневатую бумагу. С пластиковыми пакетами в этом времени, увы, не срослось...

В овощном мне насыпали пару кило картошки в авоську, а сверху я добавил штук пять луковиц.

Так... Крупы, макароны пока мимо. А вот сахар колотый беру. И пачку грузинского чая. Лимонада в бутылках не было. Я купил себе пару бутылок минеральной воды.

Хорош. Не унесу. А мне ещё идти и идти...

Проходя по улице. Заметил вывеску: «Почта»... Зайду. Купил газет себе. Правду и Пионерскую правду. Взял бы Комсомолку. Но её не было. Зачем газеты? За неимением гербовой бумаги, пишут на туалетной. Ну а за неимением туалетной... Беру газеты.

Через некоторое время я покидаю гостеприимную Шую. И топаю пешком обратно по дороге, по которой меня пару часов назад привёз на грузовике Коля. Дело в том, что минут за двадцать до въезда в город, я видел, как по дороге навстречу нам шли военные. А если выразиться точнее — солдаты. И шли они строем. Не совсем ровным, но строем, в сопровождении какого-то офицера. Примерно человек тридцать, сорок. Не успел посчитать по головам. Шли, как положено по уставу. Впереди один с красным флажком, позади тоже. А это значит, что идут куда-то или откуда-то. Но недалеко. Так как далеко они бы ехали на транспорте. Следовательно, здесь где-то есть воинская часть. А там может быть то, что мне очень пригодится в скором времени. Ну, вот я и схожу на разведку. Да и погляжу одним глазком...

Где придётся ночевать, я ещё не придумал. Ну, либо в деревне какой попрошусь к кому-нибудь на ночлег... Если пустят. Либо... А... Там посмотрим. Я человек не гордый, я и в лесу переночую. Дай бог не замёрзну.

Спички есть, топор и нож. Нас так просто не возьмёшь.

Иду себе, иду... Шагов не считаю. О будущем размышляю.

И снова дохлым червячком противные мысли сверлят мою больную голову. Зачем я здесь? Для чего? Мир спасти?

Чушь! Спасение мира — вещь бесполезная и опасная. Опасная для себя и для окружающих.

Спасать СССР? А от чего его спасать? От распада? Распад любой империи неизбежен. Сначала, конечно империи развиваются и укрупняются... А потом... При достижении критической массы... Буу-ум! Взрыв. Революция, война или что ещё там? Глядишь... И нет империи.

Сколько их было, империй-то? Римская, Византийская, Османская, империя майя и инков... Где они все?

Итальянцы — жалкое подобие гордых римлян. На месте Византии муллы поют молебны совсем другому богу. Османы с турками уже не сотрясают мир своими набегами, а заглядывают в рот европейским либерастам. В какой заднице сейчас инки и майя, я промолчу.

Точно также в огненной геенне Первой мировой войны исчезли Австро-Венгерская, Германская и Российская империи. Австрияки и венгры — уже давно ничего не решают. Немцы уже покаялись во всех грехах и не претендуют на мировое господство.

Российская империя, правда, устояла на ногах, но слегка так сказать... перестроилась. Потеряв несколько крупных кусков в виде Польши и Финляндии, превратилась в СССР. Правда СССР тоже позднее стал империей. Снова забрал к себе часть Польши и Финляндии. Вернул Прибалтику. Отщипнул приличный кусок Средней Азии. А у Германии подрезал кусок Пруссии в виде Кёнигсберга. Потом, снова в 90-х Советская империя распалась, и при этом потеряла Прибалтику, Среднюю Азию, почти весь Кавказ, Украину и Беларусь... Осталась одна Российская Федерация. Но вот проходит какое-то время... И снова Беларусь с нами. Правда, автономно, но с нами. Ну а после как всегда: кусочек там, кусочек сям. Два кусочка у Грузии, кусочек у Молдавии, и у Украины тоже есть чего отщипнуть. Не считая, конечно Крыма, который Никитка с барского плеча ни с того, ни с сего оторвал у РСФСР и насильно приклеил к УССР. Вот в две тысячи четырнадцатом его обратно вернули и ладно.

А... вот ещё вспомнил. Была такая великая империя, которой правил беспощадный и могучий Чингисхан. Ау-у! Где та империя? Осталась лишь Монголия. Самая независимая страна в мире. Потому что в современном мире от Монголии, ну совсем ничего не зависит.

Британская империя пока ещё трепыхается помаленьку. Строит свои козни. Как правильно говаривал наш знаменитый генералиссимус... Нет, не тот, что с усами, а Александр Васильевич Суворов-Рымникский. Так вот. Говорят, что он однажды сказал про мерзких наглов: «Англичанка гадит». И мало что изменилось с тех пор. Гадила, гадит и будет гадить. Такая уж натура у этих англосаксов, будь они неладны. Но и они тоже свою империю мягко так сказать профукали. Империя, над которой никогда не заходит солнце. Три ха-ха. Что осталось в двадцать первом веке у бриттов? Видимость одна, да и только. Ладно. Я чего-то увлёкся...

Иду себе... Иду...

Со стороны я выгляжу, наверное, странно. Рюкзак за спиной, набитый, круглый как колобок. Из рюкзака торчит рукоятка топора. В руке авоська с котелком. А уже в котелке насыпана картошка с луком. Рюкзак тяжёлый. Давит на плечи. Даже можно сказать — режет. Да... Производители советских рюкзаков в последнюю очередь думали об удобстве их ношения. А может, и вообще не думали. С каждым шагом тяжёлый рюкзак становится всё тяжелее. А плечи режет всё сильнее. Зато не замёрз пока, несмотря на середину апреля. Ещё довольно холодно. К вечеру, так и вообще... Нет. Мне-то сейчас тепло. Даже жарковато порой. Попробуйте потаскать рюкзак весом почти в половину собственного веса. Лучшее средство, чтобы согреться. Но свежий ветерок в лицо, напоминает, что когда я дойду до нужного места потный и разгорячённый, то через некоторое время замёрзну. И простуда мне обеспечена на все сто.

Прикидываю про себя. Военных я видел примерно минут за пятнадцать-двадцать до Шуи. При средней скорости машины в 50–60 километров в час, получается примерно километров пятнадцать-двадцать. Скорость пешехода пять километров в час. Но это скорость взрослого пешехода налегке, а я ниже ростом, и значит шаг у меня короче. К тому же тяжёлый груз скорости движения не прибавляет, а как раз наоборот. Получается, что идти мне примерно часов шесть... Или больше. Вышел я из города около полвосьмого. Если идти шесть часов, то на месте я буду... Я буду... Короче сдохну по пути от голода и холода. И что мне делать в два часа ночи на дороге, и как искать то, что мне нужно? В два часа ночи...

Придётся искать любой ночлег примерно через пару часов пути. Иначе потом в полной темноте придётся ночевать в сугробе, как дикий медведь. Загвоздка лишь в том, что и сугробов нет, и я не медведь.

Дорога пустынна. Два раза проезжали грузовики. Один навстречу, гражданский. А один попутный, военный. И это ещё раз подтверждает теорию о нахождении где-то впереди воинской части. Вспоминая советские времена, много военных подразделений находилось в лесах. Подальше от глаз. А может и из-за соблюдения секретности. Но какой к чёрту секретности? Все местные жители прекрасно знали расположение секретных ракетных шахт и радаров. Хотя бы потому, что нарывались в лесу, собирая грибы на таблички типа: Запретная зона. Проход запрещён.

Ну а местные девушки низкой моральной ориентации, а может и просто в поисках потенциальных мужей из числа военнослужащих, тоже знали, как проникнуть за забор военной части. Где бы эта часть не располагалась. Хоть в лесу, хоть в пустыне.

Так что расположение военных и их секретных железак в Советском союзе было для всех тайной Полишинеля. В том числе и для наших западных партнёров, как бывало говаривал Президент России из будущего. Может быть и были где-то супер-пупер секретные бункеры. Но их процент ничтожно мал.

— Инга! Ты где?

— Я сплю.

— Слушай, а разве ты не всё время со мной?

— Всё. Но когда я сплю, всё что ты делаешь... как во сне. А когда ты спишь... Я не знаю. Наверно. Я тоже сплю. Но без сновидений.

— А мои сны?

— Тебе снятся сны?

— Странно... Не помню. Чтобы снились. Нет. Наяву я иногда вспоминаю своё будущее... Но это... Не сон.

— Это я вижу. Иногда бывают странные вещи, которые я не понимаю. Но спрашивать о них не хочу. Раз ты всё знаешь. То мне-то зачем заморачиваться.

— Выходит, что ты лентяйка. Тебе даже лень, узнавать для себя что-то новое.

— Агась... Лень. Бесплезное знание. Ты же всё это знаешь. А это значит, что когда будет надо, и я буду всё это знать.

— Ясно. А если я буду спать, мы сможем идти дальше?

— Не знаю. Ты всё время главный. Я уже и не пытаюсь управлять телом. Можно попробовать. Спи!

— Прямо так? По команде? Я так не умею. Ладно. Пошли дальше! Если я устану, ты попробуем, если получится...

Было совсем темно, когда я заметил перекрёсток. Нет. Не такой как в будущем, со светофором и знаками. Дорога и до этого напоминала заброшенную. Асфальт лежал с заплатками. Присутствовали и ямки, и щели в асфальте. Но и перекрёстка как такового не было. Просто влево от дороги уходил небольшой асфальтовый язычок, который метров через пять превращался в банальную грунтовку. Причём переход от плохого асфальта до грунтовки венчала большая лужа. Какой-то, указатель на перекрёстке когда-то был. Но сейчас лишь торчали ржавые металлические столбики, а знака не было. Что это было? Скорее всего, указатель на какую-то деревню. А может быть просто плакат типа «Слава КПСС». Сейчас неизвестно. Но мне это показалось, как перст указующий. Сворачиваю. Тщательно огибая лужу, топаю по грунтовке. Пол-луны в небе помогают не терять дорогу в темноте. Небо чистое. Тишина звонкая.

Иду себе, иду...

Ещё минут через десять вдали показались огоньки. Сравнить с той иллюминацией, которую излучают в пространство населённые пункты будущего, не приходится. Просто несколько окошек светились впереди тусклым светом, и лишь крошечная ночь вокруг позволяла их узреть издалека.

Теперь надо бы прикинуть, что делать... Тупо стучаться в двери дома? Вызывает подозрение. Кто? Откуда? Зачем? Могут и не пустить. Кто их знает этих деревенских? Тогда что? Залезть в сарай, где животные и сено? Ну, во-первых собаки раньше на меня хай поднимут. То есть не хай, а лай. Разница невелика. Да и вряд ли в захудалой деревушке найдётся живность в виде крупного рогатого скота. Нынче это вроде в колхозах централизовано. Эх, зря я не интересовался подробностями организации сельского хозяйства.

А деревенька была всё ближе. Но я увидел не деревню. Деревня была где-то подальше, а сразу по курсу моего движения в ночной темноте при свете луны возвышалась чёрной глыбой церковь... Нет. Останки церкви... Руины... Но величественные руины... Высоко в небо устремлялась колокольня. Мне не было видно, венчает ли крест это сооружение. Скорее всего нет. Раз всё в руинах, то и кресты снесли. Это в будущем станут реконструировать полуразрушенные и заброшенные церковные приходы и монастыри. Это нормально. Ненормально, когда на месте бассейна «Москва» построили типа Храм Христа Спасителя. Ну не лежит у меня душа называть этот новодел, украшенный грузином Церетели

храмом. Нет в нём святости. Не чувствуется намоленность места. Однажды я был в Сербии. Уже после войны начала двухтысячных годов. И там, в маленьком городке была свадьба. Храм был неказист и обшарпан. Видно было, что война его не пощадила. Но, когда внутри состоялось таинство венчания, то в воздухе чувствовалась такая благодать, что искренность тех, кто повторял за молодым батюшкой слова молитвы, была запредельная. Там в каждом тусклом лике на иконах был Бог. А в новопостроенном храме в Москве, я его не почувствовал. Может я и ошибаюсь. Но кто же знает, как на самом деле всё. Оставим это тем, кто решает, там наверху. Там, это гораздо выше церковных крестов и кремлёвских звёзд. Где-то там есть то, что забросило меня зачем-то сюда. Не спросив моего мнения даже на это. А я что? А я не против. Я даже рад, что я здесь. И теперь мне надо здесь всего лишь найти ночлег.

В деревню я не пошёл. Внутри толстых кирпичных стен полуразрушенной колокольни, я нашёл уютный уголок. Я неприхотлив. Есть крыша над головой, ну и ладно. Скинув рюкзак, я начал вынимать из него всё на расстеленную газету. Первым делом нащупал свечки. Зажёг одну, поставив чуть в стороне. Мне стало светлее. А если кто в деревне увидит огонёк в разрушенной колокольне, то вряд ли на ночь глядя пойдёт сюда узнавать, что тут. Скорее спишет всё на мистику. Наш народ суеверен до мозга костей.

При свете свечи, я достал одежду и стал утепляться. Пригодились и колготки, купленные в Детском мире, и свитер подаренный Ириной. Одевшись потеплее, я сделал себе бутерброд с сыром и колбасой. Схозячил с удовольствием. Запил всё минералкой, и улёгся, положив голову на похудевший рюкзак. То, что я лежал на выровненной куче битого кирпича, меня не особо напрягало. Свечку я задул. Укладывался уже в полной темноте. Я устал. Меня просто вырубило. Заснул я сразу. Провалившись в темноту, я уплыл в чёрную глубину без всяких сновидений.

— Доброе утро!

— А... Что? — я подскочил озираясь. Вокруг было уже не темно. Слабый утренний свет проникал сквозь проломы в стенах.

— Проснулся?

— Это ты Инга?

— Ну а кто же ещё. Я просто проснулась раньше. Увидела, что светает уже. Почувствовала, что тебя нет и испугалась. Потом поняла, что ты спишь. Но я тоже всё чувствую. Стало холодно. Я разбудила тебя.

— Ясно. — я встал, потянулся и стал разминать затёкшее тело.

Надо бы оглядеться. Ночью я не видел что находится вокруг. В лёгкой туманной дымке я увидел деревенские дома, с другой стороны было старое кладбище. Ещё какие-то полуразрушенные постройки из красного кирпича. Да. Делать здесь было особенно нечего. Я наскоро позавтракал бутербродами, допил остаток минералки из первой бутылки. Собрав всё своё, я вновь закинул рюкзак за плечи. Даже котелок с картошкой умудрился упаковать в рюкзак. Груз за спиной стал тяжелее, зато руки свободны...

Утренний туалет, я оставил на потом. Ну не в церкви же это делать. Нехорошо. Ближайший лесок удовлетворил мои естественные надобности. И вновь возник вопрос: Куда дальше?

Что за фигня постоянная творится? С тех пор как я провалился сюда, в этот мир, всё время нахожусь на каком-то виртуальном перекрёстке. Всё как в далёкой древности. Направо пойдёшь, коня потеряешь, налево пойдёшь... Ну и так далее по тексту... Правда в тех сказках у главного героя всегда находился верный друг. Серый волк, Конёк-горбунок, Кот в сапогах... Кто там ещё? А... Не важно.

А у нас с Ингой нет никого. Всё сами. А сами мы пока не с усами... Так что же делать дальше? Искать воинскую часть, чтобы... Чтобы что? Чтобы обзавестись оружием. Как? На месте разберёмся. А дальше? А дальше пока туман...

Но... Сначала надо заземлиться. Найти какое-нибудь убежище. Там где тепло и сухо. Там, где можно оставлять свои вещи. Там...

Выйдя снова на дорогу, осмотрелся. Трудно ориентироваться без карты. А карты нет... Вдали по дороге показалась машина. Грузовая. На всякий случай отошёл в придорожные кусты. Проехала мимо. Иду дальше...

Ещё через полчаса снова машина. На этот раз военная. Едет из города. Пойду туда же. Машина скрылась за поворотом. Но я не отчаивался. Если что по следам найду куда свернула. Минут через пятнадцать-двадцать обнаружился съезд с асфальта на грунтовку налево. Отчётливые следы показывали, что именно туда свернула недавно проехавшая машина. И я сворачиваю туда же.

На этот раз иду долго. Уже совсем светло. Грунтовка вихляет через лес. Смешанный лес уже очнулся после зимы. И хотя большинство деревьев ещё стоят голые, но ели и сосны вечнозелёным цветом делали лес более живым. Не знаю, что меня подвигло на это, но я почему-то свернул в лес, и по едва заметной тропинке пошагал сам не понимая, куда и зачем. Тропинка иногда исчезала. И тогда мне приходилось продирается сквозь редкие кусты. А потом среди стволов деревьев снова появлялась малозаметная тропка. И снова ненадолго...

Что привлекло моё внимание? Сам не знаю. Может моё военное прошлое. Иногда в зелёнке трудно найти лёжку вражеского снайпера. И тогда приходится подмечать мелкие детали и несоответствия, которые выдают такие места. Куча поломанных ветвей собранных кем-то. Зачем? Возвышение на ровной полянке. Почему?

Вот так и привлёк мой взгляд странный завал возле корней старого дерева. Судя по пожухшей листве, дуб. Такое ощущение, что стоит этот дуб на этом месте лет сто, а может и двести. А вот завал явно не так давно появился. Не в этом году. Но...

Аккуратно, чтобы не оставлять лишних следов по дуге, подхожу к завалу. Неопытному наблюдателю со стороны вряд ли будет заметно, что завал рукотворный. Но мне в этом хаотичном нагромождении мелких и крупных веток была видна какая-то система. Сначала сдвигаю одну крупную лесину в сторону. А она поднимает вслед за собой несколько других, положенных поперёк. И вот передо мной уже новая загадочная часть завала — едва просматривающийся прямоугольник из веток... В природе мало прямых линий. А значит... Поддеваю за край и тяну вверх. Щит или люк из крепких досок. Сверху дёрн... А веточки к деревьяшкам через дёрн... прикреплены... Посмотрел внимательно. Прибиты гвоздями. Это что за партизаны тут такое наворотили? Не важно...

Под открытым люком лежала ещё одна палка, более менее ровная и оструганная. Не

долго раздумывая, подставляю под крышку люка. Теперь вход открыт. Достаяю из рюкзака фонарик. Зажигаю и вперёд.

Землянку копали профессионалы. Внутри всё было сделано как «на века». Из мелких брёвнышек надёжный потолок. А подпирали его брёвнышки покрупнее. После узкого входа поворот влево. А там более широкое помещение. Землянка была невысокая, но мне в самый раз. Размер примерно два на два метра и полтора в высоту. Скамейка, она же лежанка из оструганных досок. Небольшой столик. Тоже деревянный. Что-то типа ящика приспособленного под табурет. В углу пустые бутылки из-под водки. Консервная банка на столе. А... Это пепельница. А на столе вырезаны буквы ДМБ-69.

Всё стало ясно. Солдатики сделали себе берлогу, чтобы вдали от командиров водку пьянствовать и беспорядки нарушать...

Под столом... О, чудо... Сапёрная лопатка прислонена к ножке стола. Не складная, как у десантников, а обычная пехотная. Малая сапёрная лопатка. Так она кажется по науке называется. Но мне и так сойдёт.

Так... Надо поискать дембельские нычки. Не может быть, что нет таких. Прошёлся вдоль стен. Есть... Стенки из досок. Но доски вставленные за опорные брёвна, всего лишь были наложены одна на другую... Не спеша разбираю. Ниша ближе к полу. Там что-то есть... Свёрток из клеёнки. Нет не клеёнка. Это так называемый ОЗК. Костюм химзащиты Мягкий на ощупь. Что внутри? Одежда. Разворачиваю чуть влажную на ощупь ткань. Форма рядового. Пилотка. Сапоги. Портянки. Форма старая ношенная. Зачем? Возможно, что здесь солдатик переодевался в гражданку, чтобы бегать в город в самоволку. А что? Удобно. Выбрался из части. Переоделся. И по девкам. Ну или по каким-то своим «очень важным» делам.

Но почему форма сейчас здесь, а гражданской одежды нет? Ведь было видно по люку, что в землянку никто не приходил как минимум с осени прошлого года. И надпись на столе подтверждала, что дембельнулся хозяин землянки в том году. Даже самый поздний дембель уходит из части под Новый год. А сейчас уже апрель семидесятого. Уже следующий весенний призыв собирается увольняться. Может новый хозяин оставил. И что? Он ушёл в самоволку и не вернулся? Полгода как не вернулся? Тогда уж это дезертирством попахивает. Непонятно... Но пока меня это устраивает. Кладу всё на место. Вставляю доски на место. Исследую другие стены. Система с досками такая же, но тайных ниш нет. Пробовал прощупать более мелкие тайники. Потыкал ножом, но нет... Везде плотная слежавшаяся земля. Не раздумывая долго, беру лопатку и копаю новую нишу, размером со свой рюкзак. Земля вполне сухая. Копаются легко. Один раз нарвался на корень. Но перерубил его топориком. Хотя рубить топором в узком месте не совсем удобно.

Землю аккуратно разбросал по полу и растоптал. Примерил рюкзак. Входит нормально. Закрыв досками. Нормально. Как так и было. Снова достал рюкзак. Выложил из него всю еду, оставив лишь одежду. Свои документы, завернув в кусок газеты, сунул на дно рюкзака. Свечи, спички, кухонный нож и посуду, пока сложил на стол. Как-то надо решать проблему горячего питания. Жечь костёр? Привлекать к себе внимание что-то не хочется. Может снова посетить город? Можно. Но не часто. А на холодной пище долго не протянешь. Хоть иногда надо и горяченького хлебнуть. Чая или бульончика. Ну да ладно. Теперь, когда есть место для ночлега, надо бы и окрестности осмотреть повнимательнее.

Мне нужна новая одежда. В той, что у меня удобно ходить в городе. А по лесам да по деревьям нужно мимикрировать под местный антураж. Да и удобнее так будет. Телогрейка

нынче в моде. В ней до лета ходят, а иногда и летом под вечер надевают. И где такую взять? Чтобы ещё под мой размер подошёл. Так как я ещё мелкая для взрослых размеров. А ходить, как беспризорник в телогрейке до пола — не комильфо. Ботинки — норма. Ещё походят. Кеды оставлю на лето. Штаны какие попроще. Типа «техасов». Видел такие. По популярности не как джинсы, но что-то типа этого. Надо сделать набег на магазин. Но в местном магазине может такого и не быть. Может в Иваново наведаться? Подумаем на эту тему, но позже. А сегодня ищем воинскую часть.

Военные расположились на другом берегу. Мостик был простой как всё вокруг. Бетонные плиты, положенные на бетонные быки. Явно военные строители тут потрудились. Сделано крепко и неказисто. Мостик никто не охранял. Но после моста я всё-таки снова скрылся в лесу. И так вот лесом-лесом стал двигаться в выбранном направлении. Идти пришлось долго и с опаской. Дело в том, что почти все тропинки были заминированы отходам человеческой жизнедеятельности. Причём разной степени древности. Такое ощущение, что солдатики не любят делать это на территории части, а как выйдут за забор, так сразу их и пробивает. Видимо на свободе облегчаться приятнее, чем в воинском сортире.

Ладно. Это всё детали. А мне надо понаблюдать за военными. Где живут, куда ходят, когда ходят, где прячут свои стреляющие железяки? Да. Это самое главное. Где железяки?

Главные ворота со звёздами и КПП меня не заинтересовали. Вряд ли я буду заходить через ворота. Заборы бетонные. Из отдельных плит. Гуляю по лесу, огибаю военную часть по часовой стрелке. Забор, забор, забор... Через пару километров... на глазок... снова ворота. Тоже с КПП, но уже не такой парадный вид, что у тех, первых ворот. Но дорога от них тоже наезжена. Исследую это направление. Дорога приводит к деревне. Но деревня не совсем деревня. На ближайшей окраине стоит пятиэтажный дом на два подъезда. Около дома детская площадка. Столбы с натянутыми верёвками. А на них сушатся явно военные шмотки... Всё ясно. Типа дом для офицерского состава. А уж подальше видны и деревенские дома. Возможно, тоже имеют какое-то отношение к военным. Может прапорщик какой и в своём отдельном доме проживает. А может и командир полка свой особняк имеет. Хотя прапорщик в деревенском доме — это ещё допустимо. А особняк комполка — это не из этого времени. Хотя как знать...

Возвращаюсь обратно. Дальше вдоль забора не пошёл. Там открытое место, какое-то поле и вдали за ним река. Потом осмотрю забор с права от главного КПП. А пока... Ищу дерево, с которого можно будет заглянуть за забор части, особо не светясь самому. Но деревья пока ещё голые. А лезть на ёлку — я вас умоляю. Какой дурак на такое способен. Потом смолу не отмоешь ни спиртом, ни скипидаром.

Оставим это на потом. До весны. Почки на ветвях деревьев уже набухли. А это значит, что и зелёных листьев ждать не очень долго осталось. В зелёнке воевать мне будет комфортней. В зелёнке меня никто не заметит.

Главное, что я теперь знаю, что и как буду делать дальше. А пока надо бы озаботиться сменой своего гардероба. Но это уже не сегодня. В лесу темнеет рано. Я вернулся в землянку. Закрыл вход, зажёл свечку. В моём новом временном жилище стало даже как-то поуютнее. Доев остатки колбасы и сыра в виде бутербродов, запил всё минеральной водой. Оставив полбутылки на утро, заткнул пробкой. Завалившись на деревянной лежанке, попытался заснуть. Не спалось. Задумался...

А какое сегодня число? Стал прикидывать что и когда я делал за последние дни. Оказалось. Что сегодня воскресенье 12-апреля. День космонавтики. Жаль, что Гагарин

погиб в 1968-м году. Если бы мог, я бы его спас. Если бы мог...

Значит завтра 13-е. Понедельник. Это хорошо. Значит завтра с утра пораньше самое время съездить в губернский, ну то есть в областной центр — город Иваново за покупками.

С этими мыслями я заснул.

Разбудила меня как всегда Инга. В лесу еле-еле только светало. Наскоро позавтракав бутербродом с плавленым сырком, запив остатком минерального поила. Уже надоела мне эта минералка. Хочу чего-нибудь послаще. Лимонад, например, или сок.

Убрал всё лишнее в стенную нишу, откопанную накануне и взяв с собой только деньги, я налегке двинул в сторону города. Две авоськи в кармане не в счёт. Это не груз, а тара под предполагаемые покупки.

Вышел на дорогу. Иду себе, иду... Как надоело мне это? Пора бы обзаводиться колёсами.

До города я добрался примерно часа за полтора. Налегке идти было куда сподручнее, чем в виде гружёного верблюда с рюкзаком. На окраине спросил у первой встречной старушки как доехать до Иваново. Она мне посоветовала на автобусе и указала направление. Ещё немного времени и я на вокзальной площади. Тут сразу и железнодорожный вокзал, и автостанция. В отличие от вокзала из красного кирпича, автостанция была деревянной.

В кассе я приобрёл билет, отдав сорок копеек. Но сидячего места мне не досталось. Было много пассажиров в возрасте. Но я и не претендовал на жёсткое сиденье в скрипучем ПАЗике. Пахло в салоне бензиновым выхлопом и потом. Хотя меня никогда раньше не укачивало в транспорте, но сейчас я еле доехал до Иваново, весь зелёный. Слава богу, ехать пришлось не слишком долго. Меньше часа. Автобус причалил на Вокзальной площади. Ну да. Так наверное удобнее. С автобуса многие пассажиры сразу же потянулись на железнодорожный вокзал, видимо в желании ехать куда-то дальше. Ну а я, разминая ноги, пошёл осматривать окрестности вокзала. В привокзальном газетном киоске я стал рассматривать ассортимент. Кроме центральных газет типа Правды или Известий, была и местная периодика. Но меня больше заинтересовали карты. Нет. Не игральные. Была карта, нет скорее план-схема города Иваново. И был... О, чудо... Атлас автодорог СССР 1967 года выпуска. Ещё свежий... беру. И то, и другое...

Не спрашивая цену, протягиваю кассирше зелёную трёшку. Если дороже добавлю... Нет. Не дороже. Мне ещё сдачи насыпали рубль с мелочью. Вот цены. Никак не привыкну.

Атлас помещается в авоську, а карту я тут же разворачиваю и смотрю. Составляю примерный маршрут своего путешествия по городу первого Совета. Так, кажется, называли Иваново в Советские времена. Даже обсуждали переименование его в Первосоветск. Слава богу, не срослось. А с царских времён всего лишь отняли Вознесенск, от прежнего названия Иваново-Вознесенск. Но это уже совсем далёкая история.

Где в советские времена самое большое количество магазинов в маленьком городе? Конечно же на главной улице. А главная улица в маленьком городе — это улица Ленина. Ну, или Калинина, на крайний случай Советская.

А по поводу маленького города... Да — Иваново — областной центр. Но по сравнению с Москвой и Ленинградом в СССР все остальные города для меня маленькие. Даже Киев и Минск.

Итак, я выбираю Маршрут по Станционной улице на проспект Ленина. А потом вернусь по улице Калинина прямо на вокзал. Надеюсь, мне хватит светлого времени для шопинга местного разлива.

Не доходя до проспекта Ленина, нарываюсь на местный рынок. Интересно, он работает по понедельникам или только в выходные? Нет. Работает. Но не весь. Народу маловато. Ещё бы. Все нормальные люди на работе. и на рынке полтора продавца на полтора покупателя. Ладно. Загляну. Посмотрю.

В самом конце рынка на куцем прилавке дед с бородой продаёт всякие полезные ништяки. Мне тут же приглянулся сидор. Армейский вещмешок старого образца, без карманов и ремешков. Поторговавшись, купил скинув рубль от первоначальной цены. Авоська освободилась и переехала в карман, а атлас занял место в вещмешке. Мешок забросил на плечо и дальше пошёл.

Больше на рынке меня ничего не заинтересовало. Может в выходные здесь и продавцов побольше, и товары поинтереснее. Через некоторое время я вышел на проспект Ленина. Ну, что ж посмотрим, что тут есть.

Магазин спорттоваров порадовал меня спортивным костюмом чёрного цвета. Простой трикотажный дешёвый практически одноразовый. Так как после первой стирки на коленях появятся пузыри. И выглядеть будет как тряпка. Цена низкая. Почему не взять? Моего размера только нет. Спросил у продавца. Тот посоветовал в магазин детских товаров зайти. Но там, говорит, редко бывает. На всякий случай беру это, хоть он мне и великоват. Через дом в магазин «Ткани», купил швейные иглы и две катушки ниток. Чёрные и белые. Ножницы. Не большие портновские, а самые обычные. Взял.

В детском магазине спортивный костюм моего размера нашёлся. Взял и его. Там же ещё одни трусы взял и носки. Футболка белая. Пригодится. Стирать негде, а менять надо хоть иногда. А ещё купил себе чешки. Смешная такая обувь. Но мне нужна для дела.

Хватит пока. Пойду дальше. Посмотрю. Что тут и как...

Кафе. Посмотрел.... Нет. Не буду заходить. А вот чуть подальше вывеска «Столовая». Вот туда я и зайду. Захожу, смотрю меню. Обалдеть! Ни одного блюда дороже сорока копеек. Даже мясные блюда типа бифштекс с яйцом или рагу из баранины стоили 34 и 33 копейки соответственно.

Набрал себе первое, второе и салат. А если в подробностях, то: Борщ с мясом (говядина) и со сметаной, плов из баранины, салат из капусты с морковью. А потом ещё чай и блинчики со сметаной. Уложился в 80 копеек за всё!

Наелся от души. Пора и дальше погулять.

Теперь можно и по магазинам пройтись. Продукты лучше покупать сытому. На голодный желудок можно закупить много лишнего.

После обеда настроение было преотличное. Свернул направо по улице Громобоя. Название понравилось. Пройдя немного, увидел кинотеатр и очередь в кассы за билетами. Кинотеатр назывался солидно — «Великан». Оказалось, что очередь в понедельник была вызвана демонстрацией японского аниме, ну то есть полнометражного мультфильма «Корабль-призрак». Вау! Это же хит моего детства. Того далёкого детства из будущего. В своё время я посмотрел его раз десять. И это только в кинотеатрах. А потом и скачал в интернете. И снова посмотрел, уже когда мне было за пятьдесят. Ностальгия! Я подошёл к очереди и поинтересовался: За чем стоим? Ясно. Ничего не меняется. Все билеты проданы, а очередь стоит, чтобы купить билеты из невыкупленной брони. А бронь начинают продавать за сорок минут до начала сеанса. Смотрю расписание. Годится. Как раз осталось около часа до следующего сеанса.

Эх, придётся воспользоваться своим опытом из моего хулиганского детства. Кое-как пробрался внутрь в кассовое помещение. У кассы, где должны были начать продавать билеты, когда закончится время на бронь, занимаю позицию у окошка, чуть в стороне. Буквально через пару минут подходит парень с девушкой и называет кассирше фамилию и номер заказа. Пожилая кассирша в очках достаёт бумажный список и начинает искать названную ей фамилию. Ну а я тем временем быстро ухватываю боковым взглядом первый попавшийся невыкупленный заказ. Запоминаю: Фирсов, 28, 2 билета.

Отхожу в сторону, меняю имидж. Вещмешок снимаю с плеча, кепку в него. Куртку снял и через руку перекинул. Зажав в руке рубль, пробираюсь к кассе. Небрежно кидаю кассирше: Фирсов. Двадцать восемь. Два билета. Получаю два заветных бумажных прямоугольника

зелёноватого цвета и пятьдесят копеек сдачи мелкими монетками. Выбираюсь из очереди. Выдыхаю. Надеваю куртку и кепку.

А очередь стоит и чего-то ждёт. Да. Московская школа брать без очереди наверняка раздражает жителей других городов Советского союза. Но что поделать. Хочу в кино, а стоять в очереди не хочу. Времени нет. Извините!

Второй билет я отдал бесплатно рыжему конопатому парнишке примерно лет двенадцати на вид. Он стоял чуть в стороне от очереди. Вид его выражал всю вселенскую грусть. Наверняка у него и денег на билет могло не хватать. Я подошёл к нему и просто спросил:

— Билет нужен?

Он начал что-то: ме-бе... Ну ясно. Денег нет, а покупать билет у такого спекулянта как я, денег нет от слова вообще...

— Бесплатно. На, бери!

С неверящими глазами он осторожно принял из моих рук заветную бумажку. А я не оглядываясь пошёл внутрь. Надо же ещё буфет протестировать.

Буфет порадовал. Лимонад и пирожное. Трубочки с кремом. Мои любимые... Дайте две!

Времени хватило и лимонад попить, и в туалет забежать. Воспользовался удобствами, так сказать... Заодно и как следует умылся в раковине. Ну и что, что холодная. Благодать.

Кстати. Я по инерции, не глядя, залетел в мужской туалет. Но мой костюм это допускал. Слава богу, была свободная кабинка, и дверца запиралась. Да-а... На будущее надо бы быть повнимательнее. Хотя как быть, если одет я как мальчик. Ну ладно в вагоне — там туалет общий. А вот так в городе.... Проблема. Ну да ладно. Как говорила героиня фильма «Унесённые ветром»: Я подумаю об этом позже.

Мультфильм оправдал мои ожидания. Да и Инга посмотрела с удовольствием. Я иногда даже чувствовал внутри себя её «Ах!» в самых захватывающих моментах. В этом мультфильме их было несколько. Снято было хорошо. И смешные моменты чередовались со страшными. Для советского зрителя это было нечто... Я-то смотрел с чувством ностальгии, а Инга с чувством восторга. А я — молодец! Порадовал девочку...

После сеанса я вышел на улицу и пошёл себе дальше. Гуляя и наслаждаясь солнечной погодой. Сразу было видно — весна уже пришла и уходить не собирается. Я вернулся на проспект и зашёл в «Дом одежды». Да... Зря я туда зашел. Ничего хорошего там не было... Но. Нет... Ни фига себе. Телогрейки. Ватники в отделе верхней одежды. Беру самый маленький размер, и ухожу довольный.

В аптеке взял анальгин, цитрамон и аспирин. Этого минимального набора мне должно хватить на первое время если что. Не дай бог, конечно, но вдруг пригодится. Резиновые перчатки. Не знал, что такие уже есть в продаже. А... Ясно. Это не одноразовый латекс из будущего. Это советская многоцветная резина. Ничего. Мне сгодятся и такие. Взял одну пару для пробы.

Гуляя дальше зашёл в продукты. Купил пару лимонада. Печенье взял. Колбаски нарезанной, сыра. Батон белого хлеба. Всё. Хватит. Пора и на вокзал...

Вернулся к вокзалу. Посмотрел расписание. Времени ещё есть, но уже отходить далеко от вокзала я не буду. Купил билет. Побродил. Посидел на лавочке. Хорошо.

Через некоторое время увидел знакомый ПАЗик... А может и другой, но того же цвета. Подошёл, спросил. Точно. Мой. Народ стал набиваться внутрь. Я умудрился сесть. И

странно. Меня никто не согнал. Автобус был не последний и народу было не много. Стояли человек пять всего. Я сидя в уголке на заднем сиденье даже задремал. Доехал спокойно. Спокойно дошёл до «своего» леса. Уже в сумерках нашёл землянку. Проникнув внутрь, лишь хлебнул лимонада и завалился спать.

Умаялся. Ну ещё бы... День был суматошный.

Глава 10

Весь следующий день я занимался шитьём. Превращал спортивный костюм советского производства в костюм ниндзя.

Тот костюм, что поменьше подогнал под себя, чтобы он облегал тело и не стеснял при этом движений. А из того, который мне велик, стал ваять остальные прибабасы. Отрезав штанину, сшил себе шапочку с прорезями для глаз и рта. Ткань ползёт. Трикотаж советский, будь он неладен. Приходится обмётывать вручную каждое новое отверстие. Но получилось вроде бы неплохо. Конечно, зеркала нет, но, натянув на голову собственноручно сделанную шапочку в стиле «ОМОН», понимаю, что норм. Глаза видят. Рот дышит. А лица не видно. Фантомас, блин, местного разлива.

Резиновые перчатки великоваты. Приходится привязывать их, чтобы не слетали. Но я ими не планирую пользоваться постоянно, а лишь там, где есть возможность оставить свои пальчики. На ноги я придумал одевать чешки, а чтобы они не слетали, привязываю их полосками ткани, по типу обмоток, солдат из прошлого... можно и в кедах, но... Кеды всё же оставляют следы. А чешки — лишь невнятное пятно. И, кстати, попробовал в своих обмотках и чешках влезть в сапоги, оставленные мне на память от неизвестного солдата. Получилось. Теперь можно идти по лесу в сапогах, а потом двигаться налегке в чешках-обмотках. Сапоги были сорокового размера. Да мелковат был солдатик.

Я ещё и примерил его форму, раз уж заняться больше нечем. Подогнал и её под себя. Но так, чтобы форму можно было одевать сверху на костюм ниндзя... Что может быть более незаметно в лесу около воинской части, чем солдатик. Правда солдатик из меня мелковатый получается. Но кто там в темноте разберёт. А днём я не планировал рассекать в армейском прикиде.

Из лоскутов ткани отрезанных от формы... лишние оказались при подгонке на мой размер, я сшил себе что-то типа подсумков для нужных вещей (нож, спички, фонарик...). Обшил их сверху тёмной тканью от спортивного костюма. Так же замаскировал и солдатский ремень на который надел эти подсумки. Ведь когда я буду в костюме ниндзя, у меня не будет карманов. А без ножа куда же я пойду... Так что ремень превратился в некую поясную разгрузку тёмного цвета, под стиль костюма и шапочки. Осталось дождаться зелёной листвы, и можно идти на дело.

Да. Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается... Рассказ о моём рукоделии был недолгим. Но на самом деле пока я колол свои пальцы иголкой, развлекаясь с шитьём, прошло целых три дня. Я прерывался лишь затем, чтобы поесть, поспать, да выбежать наружу по нужде. Но когда у меня осталась одна последняя свечка, а на оставшейся горбушке хлеба появился пенициллин, я понял, что пора и в город сходить. Тем более. Что от консервов тоже ничего не осталось. И завтрак туриста, и шпроты, как я не растягивал, кончились.

Одевшись по-городскому, взяв с собой пустой рюкзак, я собрался на прогулку до Шуи. Все свои вещи, кроме посуды, я спрятал в нычки. Армейскую форму и костюм ниндзя — в левую нишу, а всё остальное справа. Документы и основную часть денег, я спрятал в третью нычку. Сделал специальную щель под потолком. Всё было плотно завёрнуто в кусок, отрезанный от прорезиненного ОЗК. Собрав все пустые консервные банки, кроме той, что работала подсвечником, я связал весь мусор в одну из портянок и покинул свое временное

жилище...

Так что шёл я налегке, с пустотою в рюкзаке.

Денег с собой много не брал. Цены я уже знаю. Два червонца вполне обеспечат мои продовольственные потребности.

В рюкзаке моём было не совсем пусто. Там звякали накопленные мною несколько пустых бутылок из-под лимонада и минералки. Сдам их в магазине. Я видел. Там принимают со двора.

Банки я бросил в кустах не доходя до дороги пару метров. Теперь не понятно, то ли их из машины выбросили. То ли прохожий какой...

Шуя не изменилась ни на йоту с момента моего прошлого посещения. Тихое место. Тихий городок. Тут годами может ничего не меняться. Похоже, что и в магазине лежат на прилавках те же банки с соками и консервы с рыбами.

Сдав бутылки и получив за них небольшую кучку мелочи, зашёл снова в знакомый магазин. Консервы, плавленые сырки, сыр и колбаса. Буханку хлеба потом по дороге прихвачу. Лимонада снова нет в продаже. Может сразу взять банку с соком? Беру.

Всё умещается в рюкзаке. Иду дальше. Вот и булочная. Беру хлеб и пару булочек. Одну сразу отщипываю. Свежая... Вкусно. Выйдя из хлебного, свернул в ближайший дворик. Сел на лавочку, ем булку. Никого не трогаю...

Вот я одного не понимаю: У меня что, на спине трафарет сзади? С крупной надписью яркими буквами: «Жертва!»

Сижу. Никого не трогаю. Поглощаю калорийную булочку. Рядом на лавочке рюкзак с банкой яблочного сока и продуктами дней на несколько....

— Эй! Пацан! Ты откуда такой нарисовался?

Всё как обычно. Трое не слишком взрослых парня. На вид, так примерно, лет пятнадцать, ну может и шестнадцать... Но судя по гонору — это целая мафия, гроза района, местные короли.

Драться неохота. Оцениваю свои шансы на мирный исход. Могут слегка побить... Не хочу. К тому же, я сижу на лавочке. Сижу культурно, не на спинке, а как положено. А они стоят напротив. Окружили типа. И подрываться с лавочки неудобно. Неудобно для старта. Сидя, не очень-то повоюешь. Надо встать. Но как?

Так. Спрогнозируем развитие событий... Что дальше? Могут отобрать рюкзак с продуктами. Это не смертельно. Но... Не хочу. Денег на кармане: Червонец с мелочью. Отдать? Тоже не хочу. Но может это остудит их пыл и они отвяжутся от меня?

— Парни! А в чём проблема?

— Это у тебя проблема! Ты откуда?

— Я не местный. Здесь проездом. Вот сейчас булочку дохаваю, и дальше пойду.

— А поделиться с пацанами не хочешь?

— Тебе дать вторую булочку?

Тут в разговор вписывается второй, с уродливым шрамом на лице. Похоже, что ему «розочкой» морду распахали. Видел я такие шрамы. Только разбитая бутылка может так красиво на лице сделать такой абстрактный шрам:

— Ты чё, гонишь, мелкий? Деньги давай!

— Какие деньги? — ухмыляюсь в лицо парнишке, что наклонился ко мне.

Меня хватают «за грудки» и поднимают с лавочки, ставя вертикально...

Спасибо! Спасибо, что помогли подняться.

Коленом в пах. Руки, держащие меня, разжались. Резко бью в солнышко и отпихиваю от себя.

Минус один.

На меня замахивается другой, который до меня докопался первым.

Медленно. Как медленно двигается нападающий. Или это я стал быстрее?

Подныриваю под руку, снизу вверх пробиваю в челюсть. С хриплым «хык», ещё один валится на землю.

Минус два.

Резко оборачиваюсь к третьему... Не успеваю.... Мне прилетает кулаком в лицо. Спотыкаюсь через кого-то из упавших. Лечу на землю. Перекатываюсь. Снова на ногах.

Первый зашевелился. Второй лежит в отключке. Ну а третий летит на меня. Успеваю захватить его руку, подставить плечо и перекинуть через себя. Он шмякается на землю. Руку на излом. Ногой пробиваю в голову.

Минус три.

Поворачиваюсь к остальным. Снова поле боя за мной. Куча едва шевелящихся полутрупов...

Но... Появились новые участники событий. В знакомой серой форме. Менты. Как не вовремя... Эй, а где раньше была наша доблестная милиция, когда меня эти гопники пытались ограбить?

Теперь вот они, родимые. Стоят и смотрят на меня...

Ну а теперь как всегда... Два извечных русских вопроса: «Что делать?» и «Кто виноват?»

Виноват скорее всего я. Потому что не местный. Побил хороших местных мальчиков. И вообще... Ты кто такой, мальчик? Что ты тут делаешь? Откуда приехал?

В принципе, почти те же вопросы, что и эти задавали. Только теперь люди в форме, могут и проблемы создать... Что же делать?

Но тут усатый мент в звании сержанта решил мне «помочь». Без замаха он заехал мне кулаком под дых. Меня согнуло пополам, а потом ещё и стошнило свежесъеденной булочкой прямо на милицейские сапоги. В результате чего, я получил ещё и оплеуху в лицо. Меня отшвырнуло на лавочку. Я сильно ударился спиной. Что-то хрустнуло. Боль пронзила спину. А сознание услужливо меня покинуло.

Как будто сквозь туман до меня доносились какие-то слова...

— Ты, о*уел? Ты на кой пацана у*бал?

— Да, он, *ля, моего Гришку, *ля, ногой, *ля...

— Этот мелкий?

— Да, *ля...

— Ты его не убил?

- *уй его знает, *ля...

— Смотри! Кровь...

- *ля...

— Вызывай скорую!

— Сам вызывай! А я Гришку с его... этими... друзьями... домой...

— Ты уже достал со своим Гришкой. Он у тебя сядет, когда-нибудь. Ведь это они втроём на пацана напали. Но не по зубам он им оказался...

— Да я... *ля, этого пацана, *ля...

— Ничего ты ему не сделаешь, понял, сержант!

— Понял, *ля...

— Не *ля, а товарищ капитан. Понял? Убирай своего! Быстро! В последний раз прикрою тебя... и твоего...

А дальше куда-то в сторону, наверное, в рацию: «Город! Седьмой на связи. Драка. Скорую по адресу...»

Я то уплывал куда-то, то снова выныривал... меня опять куда-то тащили, крутили, переворачивали, раздевали... запахло больницей.

— Инга!

— Я здесь.

— Где мы?

— А ты не знаешь?...

— Я отключился. Что со мной.

— Ну, ни фига себе. То есть ты отключился, а я нет. Но я не могла ничего делать. я только смотрела. Да и то... одним глазком.

— Где мы?

— В больнице.

— Что с нами?

— Тебя об лавку спиной приложило. Банка с соком в рюкзаке разбилась. Стёкла в спину...

— Шо? Опять?

— Да, не... Только слегка по рёбрам. Даже зашивать не стали. Заклеили чем-то. Теперь лежим на животе...

— А чего так холодно? Откуда дует?

— Оттуда... Ты голая лежишь, кверху *опой.

— Ты тоже...

— Да. Они уже переписали в бумаге. Сначала нас написали: Неизвестный. Мальчик. На вид примерно 13 лет.

— А теперь?

— Зачеркнули «мальчик» исправили на «девочка»...

— Ясно. А голова-то кружится. Крепко меня тот сержант приложил. Я пожалуй... посплю...

Снова туман. Накатило. Вырубил. И снова... темнота...

В больнице лежу. В потолок гляжу.

Как там пишут в театральных либретто?

Сцена вторая. Те же и там же.

Дежавю какое-то, да и только. Снова в больнице. Снова тщательно изображаю амнезию.

Типа не помню ничего после того, как меня по голове ударили...

А кто ударил?

Не помню...

Помню, конечно. Память у меня хорошая. Я помню из-за кого у меня в минус ушла целостность кожи на спине, а заодно и куртка болоньевая с импортной водолазкой. Всё это с меня тупо срезали, когда добирались до раны на спине. И теперь я даже слинять отсюда не смогу. К тому же, я даже не знаю, где моя остальная одежда. Снова больничная пижама, стиральная, перестиранная.

Ко мне уже приходил какой-то мент. Он не представился. Даже звания его не увидел. На плечи у него был накинут белый халат. Хотя белый — это только название. Халат был сероватый на цвет, и пахнувший хлоркой. У уборщицы что ли отнял...

Снова были вопросы. Снова приходилось отвечать правду: Не помню. Не знаю. Не помню...

— А откуда ты приехала?

— Я не помню...

— Как тебя зовут?

— Не помню.

— А что ты помнишь?

— Я не знаю.

— В какой стране мы живём?

— В Советском союзе.

— А кто у нас главный?

— Леонид Ильич Брежнев...

— А тебя как зовут?

— Не помню.

— А откуда у тебя шрамы на теле?

— Я не знаю.

— А где ты учишься?

— Я не помню...

— А почему ты была в мужской одежде?

— А я не помню...

Ну, и так далее и тому подобное...

Потом и врачи меня пытали. То один, то другой со своими хитрыми вопросами.

Ага... Не дождётесь. Опыт богатый. Просто выключаюсь и теряю сознание, если вопросы начинают доставать... Мы с Ингой уже неплохо отработали этот вариант. Она умеет вырубать сознание, уходя глубоко в себя. Ну а я просто передаю ей весь контроль над телом. А она... Выключает свет. Хорошая технология. А главное действует. Даже опытные врачи впечатлились. Они наговорили много умных слов, что-то там на латыни. А потом

отстали. И я просто валялся, выздоравливал, читал газеты...

Прошло уже полторы недели. Уже прошёл великий юбилей. Сто лет со дня рождения В.И. Ленина. Даже здесь в больнице отмечали. Красные транспаранты за окном. На ужин вкусняшки давали. Ну а я что? А я ничего...

Рана на спине заживала, а синяки с лица и тела уже сошли. Пора бы и выписываться отсюда...

Было утро вторника, когда мне сказали собираться. Я попытался выяснить: Куда?... Мне не ответили.

А чего там собираться? Мне принесли мою одежду. Водолазка и куртка были грубо зашиты... остальное вроде бы цело.

Я одевался под присмотром пожилой медсестры. А в коридоре меня под белы ручки подхватили дюжие санитары и повлекли на выход. Именно повлекли. Даже можно сказать поволокли. Держали за руки и настойчиво тащили. На улице стояла санитарная машина. Двадцать вторая «Волга» с красными крестами по бокам и покрашенным чем-то белым стёклами. В заднем отделении меня положили на кушетку и... стали пристёгивать руки ремнями.

— Э Аллэ! Вы чего?

— Молчи, дура! А то укол получишь.

На мой невинный вопрос:

— А куда вы меня везёте?

Я получил лаконичный ответ:

— В дурку....

Ехать пришлось примерно минут сорок. А приехали мы в какой-то... Монастырь.

Не. Реально. Монастырь... Крепостные стены, церкви без крестов. И табличка на входе в бывшую церковь «Психиатрическая больница».

Меня завели внутрь. Постоянно рядом со мною находились те самые санитары-богатыри. А внутри было красиво. Сводчатые потолки. На стенах полустёртые росписи религиозного содержания. Но разглядывать долго мне не дали. Пришла врач. Крупная женщина в роговых очках. Она знаком показала санитарам, чтобы меня завели в кабинет.

В кабинете был стол, а у стены кушетка, застеленная клеёнкой. Врач села за стол и открыла какую-то папку. Я стоял посредине комнаты. Здесь тоже были видны следы прошлого. Высокий сводчатый потолок. И снова росписи на стенах. Наиболее целыми они были ближе к потолку. А на уровне человеческого роста стены были покрашены казённой салатовой краской. Один из санитаров встал у двери, а второй остался в коридоре.

— Раздевайся! — голос доктора был скучным, но тон не предполагал неповиновения.

Понимая, что спорить с врачом-психиатром, находясь в психбольнице бесполезно, я стал не спеша снимать с себя куртку. Снял. Положил на кушетку. Потом, сев на кушетку, снял ботинки. Расстегнув штаны, снял и их. Затем последовал черёд водолазки... Оставшись в чёрных спортивных трусах, я замер.

— Снимай трусы!

Оглянувшись на санитаря, я тем не менее, всё же стащил с себя трусы и тоже аккуратно положил их на кушетку.

— Подойди ко мне!

Подхожу. Меня тщательно осматривают.

— Разведи руки в стороны.

Выполняю.

— Закрой глаза! Указательным пальцем правой руки дотронься до носа!

Делаю всё, что мне говорят. Слежу за молоточком глазами, не поворачивая головы.

Меня трогают. Вертят...

— Повернись! Откуда шрамы?

— Какие?

— Все.

— Откуда все не знаю. Я ничего не помню. Самый свежий на спине — это, как мне в больнице сказали, я на сумку упала. А в сумке была банка трёхлитровая с соком. Банка разбилась. Я порезалась стеклом.

— А из-за чего упала?

— Я не помню. Меня вроде бы ударили по голове.

— Кто ударил?

— Ничего не помню...

— Не ври мне!

— Я не вру... — пожимаю плечами. — Я правда не помню. Ничего...

— Фамилия?

— Я не помню...

— Имя?

— Не помню...

— Сергей! — это уже не мне, а санитару.

Санитар хватает меня левой рукой за шею, поворачивает к себе, а правой замахивается, как бы имитируя удар ладонью... Ладонь у него большая, как лопата...

Мысленно зову Ингу, а сам отключаюсь. Инга отключает всё остальное тело. Помню ещё, что оседаю в руках санитаря, теряя сознание.

Прихожу в себя от сильного запаха нашатыря. Обнаруживаю своё тело, лежащим на кушетке. Санитаря нет, а в чувство меня приводит пожилая медсестра. Врач всё так же сидит за столом и чего-то пишет.

— Ты чего тут в обморок падаешь?

— Я не знаю... А что со мной было?...

Вот в таком же духе снова продолжается разговор. Мои ответы однообразны: Не знаю. Не помню...

Наконец врач заканчивает свою писанину и говорит санитарке:

— Помыть и в шестую палату.

Меня голенькую ведут по коридору. В руках я держу свою одежду. В конце коридора заходим в помещение с запахом влажности и хлорки. Мне вручается обмылок хозяйственного мыла и поливают из шланга. Кое-как моюсь. Полотенце серое вафельное. Ткань на ощупь ветхая. Есть дыры. Вытираюсь.

Тряпочные тапочки и какая-то рубаша. Рубаша мне велика. Почти до пола длиной. Шлёпаю по указанию санитарку по коридору. Санитарка открывает щеколду и открывает дверь в палату с номером «Шесть». Сюрреализм какой-то. Дурдом-психушка и палата номер шесть. Классика!

Захожу. Две кровати. Кровати металлические, но какие-то хитрые. Спинки цельные. Похоже вся конструкция целиковая или сваренная. Наверное, чтобы психи не смогли разобрать кровать на составные железки. Одна кровать свободна. На ней матрас. Подушка и

одеяло по типу армейского, с полосками. На второй кровати лежит девушка. Лежит без движения. Не привязана. Но не шевелится. На наш приход не реагирует. Смотрит в потолок. Глаза пустые. Волосы непричесанные растрёпанные. Из уголка рта стекает слюна...

Я тоже машинально глянул на потолок. Тоже, как и везде сводчатый высокий с церковной росписью. Наверное, девочка «мультки» смотрит после приёма таблеток. Неужели и я скоро стану такой же? Не хочу... Надо бы побыстрее отсюда свалить... Но как?

Мне было приказано лечь и лежать... Что я и сделал. Дверь захлопнулась. Снаружи раздался звук задвигающейся щеколды.

Чёрт возьми! Как я попал в такую патовую ситуацию?

Практически как в дурацкой рекламе из девяностых. Которая зазывала людей поместить свои деньги в очередную финансовую пирамиду. Приходит такой бравый военный и говорит громогласно:

— Ну, вот я и в Хопре!

Ага. И голос за кадром: «По самые уши!»

Лежу. В потолок гляжу...

Интересно. Когда здесь будет обед или ужин? Есть уже охота. Да и от воды бы я не отказался... Но что потом? Интересно, как тут происходит посещение туалета? И как часто? Пока не ознакомлюсь с распорядком дня надо быть поосторожнее.

Сколько времени? Трудно сообразить? За маленьким окошком ещё светло. Окошко почти под потолком. Узкое и зарешётченное.

Светло... Меня начали забирать из больницы примерно в двенадцать. Пока меня собрали, пока ехали, пока осматривали, пока мыли... Прошло часов... часа три-четыре... Значит сейчас примерно четыре вечера. Обед уже прошёл. Следовательно, остался только ужин. Наверняка будет примерно в шесть или в семь...

Рассматривать потолок мне уже надоело. Я закрыл глаза и постарался заснуть... Задремал...

Примерно через пару часов меня грубо разбудили, пихнув в плечо.

— Ужин!...

Два санитары и санитарка.

Сажусь на кровати.

Мне вручают алюминиевую миску и ложку. В миске что-то типа картофельного пюре политое чем-то коричневым. Пюре водянистое, несолёное. А подливка — это склизкие кусочки чего-то мясного с жижицей. Кусок серого хлеба.

Съедаю всё без остатка. Даже корочкой хлеба вытер миску и тоже съел. Запиваю всё жидким, чуть подслащённым чаем. Хотя с чаем рядом напиток явно не лежал. Старый веник если залить кипятком... Примерно так же получится.

Девушку напротив меня тоже подняли. Она безучастно смотрела на всё происходящее. Я заметил, что обе руки у неё забинтованы от кисти к локтям.

Санитар поднимает её переводя в полусидячее положение. Санитарка ловко накормила её сама, присев на край кровати. Чая девчонка смогла выпить чуть больше полстакана. А потом поперхнулась и закашлялась. Санитарка прекратила попытки долить в неё остатки чая. Все миски и кружки были унесены из нашей палаты. Снова захлопнулась дверь. И опять мы с соседкой лежим молча, смотрим в потолок.

Ещё примерно через час нас выводили в туалет. Я шёл сам. Мою соседку вёл под руку один из санитаров. Он же и усаживал её на унитаза. Я всё сделал самостоятельно.

Через некоторое время настал приём лекарств. Опять та же санитарка. Но теперь санитар был только один. И как мне показалось другой. Те двое богатырей не пришли. Этот был более худым, хотя и тоже высоким. Не меньше метр восемьдесят. Да, нет. Высоким он казался для нынешнего меня. При моих полутора метрах роста, любой парень — высокий. Обычный рост, обычное телосложение. Это просто те двое были повыше и пошире... Не думаю, что у них такой большой штат санитаров. А это значит, что дневные сменились и заступила ночная смена.

Мне вручили две таблетки. Одну обычную белую круглую, а другую — цветную капсулу.

В приёме таблеток у меня богатый опыт и из прошлой, и уж из нынешней жизни. Запуская таблетки в рот, я загоняю их под язык. Запиваю водой, обильно глотая тёплую противную жижу. Меня даже не заподозрили в имитации употребления лекарств и оставили

в покое. Я отвалился на подушку и закрыл глаза.

— А этой? — спросил санитар.

— Врач сказала не давать. Вчера переборщили, когда она себе опять вены грызла.

Видишь! До сих пор лежит овощем.

— Ясно...

Глаза-то я закрыл, но слышать мне это не мешало. Стук закрываемой двери. Скрежет задвигаемой щеколды. Шаги по коридору. Снова тишина... Сплёвываю таблетки в ладонь, прячу под подушку. Больше вроде бы некуда. Сильные таблеточки. Серьёзные. У меня аж язык слегка онемел, особенно снизу, там где я прятал таблетки. Да. Неделя-другая и я тоже овощем буду лежать.

Думай, голова! Думай! Как отсюда свалить? Признаться, что я помню, как меня бил сотрудник милиции в звании сержант? Как вариант снова отвезут обратно в город. Будут вопросы задавать и всё по новой спрашивать. А кем представится? Ингой Котти или Александрой Котовой? Блин, не вариант... Сразу выйдут на мой интернат. То, что я не Котова могут сразу расколоть. А если представиться своим настоящим именем, то вернут в интернат. А там уже небось и пидорков мелких на чердаке нашли. Могут привязать одно к другому и... Да. Нет. На меня вряд ли подумают. Хотя все знали, что я с компанией Короля тусила вместе, а потом меня изнасилованную скинули с крыши... Да все наверняка знали про то, кто и как. А потом нет Толстого... Утонул. Нет Короля... Повесился... Блин. Тоже не вариант. Значит нельзя признаваться в том, что я всё помню. Помню и про Москву, и про Шую с ментами и гопниками. Что же делать?...

Правильно говорят, что никогда не бывает так плохо, чтоб потом не стало ещё хуже. Вот и у меня так. Сначала одно, потом другое. Плохие события влекут за собой ещё более плохие события. Это как лабиринт без выхода. Бег по кругу...

Прошло ещё примерно с час времени, а потом верхний свет погас. Осталась гореть только блёкляя лампочка над дверью. Свету она давала мало, но в принципе всё было видно. Снова потянуло в сон. То ли от тяжёлых мыслей в голове, то ли от частичного проникновения в организм сильнодействующего лекарства с облизанных таблеток. Заснул. Сам не заметил как.

Странно. Но мне приснился сон... Станный сон. Очень странный сон. И будто и не сон вовсе...

Я снова маленький мальчик... Мальчик... Я лежу. Пожилые мужчина и женщина что-то говорят мне. Сначала он... А потом она... Почему я не понимаю этих людей? Я почему-то знаю. Что это мои родственники. Вот этот старик... Нет не старик. Просто ему много лет. Очень много. Но с виду — это крепкий мужчина. Очень крепкий. Я знаю, что он очень сильный... И он мой дед. Отец моего отца... Но тогда. Почему я не понимаю, что он говорит мне? Этот язык мне не знаком... Он не похож на те языки, которые я знаю. Я знаю русский. А ещё немного английский, в школе учил немецкий... Немного французский... Совсем немного слов из испанского и итальянского... А ещё я знаю несколько слов по-армянски и по-грузински. О, ещё вот в армии немного по-литовски научился болтать. Так, слегка, на бытовом уровне. В какой на хрен армии? Мне же сейчас лет пять или шесть не больше. Вона какая у меня маленькая ладошка. А дед рядом со мной такой большой, как великан... Но язык на котором со мной пытается разговаривать мой дед мне не знаком. Ни одного знакомого слова...

А потом бабушка... Да. Бабушка. Моя бабушка. Мама моей мамы. Но она тоже ведь не

старая. А с виду, так и очень молодая. И красивая. Она тоже что-то говорит мне. Улыбается. Но я её не понимаю. Совсем не понимаю. Хотя по каким-то признакам мне хватает разума понять, что бабушка говорит на другом языке. Не на том, на котором со мною пытался пообщаться дед. Но и этот язык мне не знаком. Он состоит из какого-то щебетания похожего на птичье.

А ещё я осознаю, что мы летим в космосе. Да, блин, в космосе. В далёком, на хрен, космосе. Я чем то болен. У меня на голове какой-то лечебный кокон. Но он не помогает. Я не понимаю своих родственников. И ещё я не помню, почему у меня болит голова, и что со мною случилось.

Не знаю почему. Но я не осознаю себя ни Ингой, ни Сашей. А кем я себя осознаю? Внуком вот этих двоих космонавтов? А может быть и астронавтов или тейконавтов. Нет. Вряд ли тейконавтов. Тейконавты ведь из Китая. А на китайцев мои родственники совсем не похожи. Они похожи... Да ни на кого они не похожи. Ни на русских, ни на негров. Для негров они слишком светлые, а для русских — слишком тёмные. Но и на смуглых латиноамериканцев или индейцев они мало смахивают. И не азиаты... вот если представить седое скандинава, но со смуглой кожей и светлыми волосами — это дед. А вот бабушка... Возможно в её внешности есть что-то кавказское. Но тоже под вопросом.

Так что же происходит? Я лечу на космическом корабле. Откуда и куда — неизвестно. Я не знаю языков на котором говорят мои близкие родственники. И я не помню — кто я такой?

Проходит какое-то время... Во сне время течёт очень быстро... Я понимаю, что прошёл как минимум год. Земной год. Я стал старше. Я узнал про себя новые подробности... Мои родители погибли. Их убили. Убили в бою наши враги.

Наши враги — это тхэтты. По-другому я не могу воспроизвести название расы наших врагов. И они именно относятся к другой расе. Дед показывал мне галлоизображения тхэттов. Зелёный цвет кожи. Но не такой кожи как у расы людей. Кожа тхэттов состоит из множества мельчайших чешуек. Они скорее рептилоиды. Чем люди. Хотя телосложение у них вполне гуманоидное. Две руки, две ноги. Ходят вертикально. Правда коленками назад. Кузнечики, блин. Рожи страшные. Голова плоская с боков, так что глаза почти что могут смотреть в разные стороны. А дыхательные органы находятся выше глаз. И всего лишь одно носовое отверстие, с каким-то клапаном. Типа века на глазах. Зрачки вертикальные. Вместо ушей выступающие наросты с мембранами. А рот... Нет. Не рот... Пасть. Акула отдыхает. От уха до уха, а зубов, острых треугольных зубов не меньше сотни. Страшило ещё то, скажу вам... Вот с такими страшилами и воюет в космосе человеческая раса. Люди заселили почти все возможные для обитания планеты. По крайней мере, до каких дотянулись. Потому что я нахожусь сейчас в очень далёком будущем... какой уж год по земному исчислению я не знаю. Но очень далеко.

И да... За год дед обучил меня языкам. И не только тем, на которых они пытались со мною общаться год назад. А ещё много других. Те, первые, были так сказать базовыми, то есть главными и широко известными. А теперь я могу говорить не только с людьми, но и с... животными... Да ещё к тому же я теперь немного телепат. Ну, не мысли читаю, а так... эмоции. Но эмоции не только людей и рептилоидов, но и ещё животных и растений.

Дед у меня — воин. Но воин с магическими возможностями. Можно назвать его и боевой маг. Но скорее всего ему не понравится. Маг — это нечто другое понятие. А вот воин, владеющий магическими приёмами — это он, мой дед. Он учит меня сражаться. На

мечах, на ножах, стрелять из энергетического плазмомёта.

А бабушка — она ведьма. Обычная такая ведьма. Лекарь, колдунья, травница и всё прочее в одном лице. И это она научила меня языкам зверей и птиц. Конечно, год — срок небольшой. Но при помощи мнемoproграмм я обучался, пока лечился. А лечился я после тяжелейших травм. Потому, что когда корабль моих родителей подбили, они спасли меня, выстрелив в спасательной капсуле куда-то в гиперпространство. Я до конца не понял. Так что объяснить не смогу. Но маяк мой смог запеленговать дед, который спешил к ним на помощь, но не успел. С врагами он разобрался, а сына своего с женой не спас. Я был не в самом хорошем состоянии. Выхаживала меня бабушка. Полная потеря памяти. Так что учить меня им пришлось заново.

А почему я не ощущаю внутри нового меня ни Инги, ни моего прошлого я? Да потому, что меня там нет. Или пока ещё нет... Я совсем запутался. Что-то не то.... Такое ощущение, что на меня кто-то смотрит в упор. И этот кто-то...

Я открыл глаза... В сумрачном дежурном свете палаты номер «шесть» психиатрической больницы... На меня в упор, подойдя и наклонившись близко-близко, смотрела моя соседка... Глаза её смотрели на меня с непониманием и узнаванием... Она хрипловатым голосом обратилась ко мне:

— Циркачка! Это ты что ли?

Ну да... «Циркачка». Это я... Наверное... Так меня прозвали ещё в первом классе школы-интерната. Откуда она это знает? И к тому же, я ведь вроде память потеряла... А значит, я не помню ни как моё имя, ни какое у меня было прозвище в интернате, который я тоже не помню.

— Ты меня знаешь?

— Ну, да. Ты в школе личность заметная.

— В какой школе? Меня просто по голове ударили, и я память как бы потеряла.

— И что? Совсем ничего не помнишь?

— Ничего и никого. Вот тебя я тоже не помню. А как тебя зовут?

— Я училась на три года тебя старше. Меня зовут Саша... Котова... Ты меня не помнишь?

«Ох и ни *уя себе!!! Это, что за нах? Что за хрень тут творится? Какая на фиг Саша Котова? Она же сбежала из интерната ещё наверное год назад... Хотя нет. Аттестат о восьмилетнем образовании есть, а значит пропала не раньше конца июня — начала июля прошлого года... И что она делает здесь в психушке в Шуйском районе Ивановской области...»

— Нет. Не помню. Я никого не помню. Я даже себя не помню.

— Тебя зовут Инга. А фамилия... Тоже что-то вроде Котова... Нет... Котти. Вот как.

— Правда? — неподдельное удивление на моём лице должно убедить собеседницу, что я вся такая беспамятная дурочка... — А как ты сюда попала.

В глазах настоящей Александры Котовой сверкает злоба, ненависть и вся гамма чувств одновременно. Но сразу гаснет всё. Как выключатель сработал. «Выкл» и всё. Снова равнодушно-прозрачные глаза. Видимо сильно таблетки гасят организм. Подавляя агрессию и всё остальное заодно...

— Да, *ля. Всё из-за тебя, между прочим...

— Из-за меня? — на этот раз моё удивление неподдельное.

— Когда тебя Король и его команда изнасиловали и с крыши сбросили, а им за это ничего так и не было, то они вообще о*уели. Раз в неделю выбирали себе девку. Любую, какую хотели. И творили с ней потом... короче, насиловали. Угрожали, что если кто будет ерепениться, то будет как с тобой, а им опять ничего не будет.

— А я где была?

— Наверное, в больнице. Я тебя с тех пор и не видела. И не узнала бы, если бы не твои волосы. Они такие же, как у меня...

— Да. Похоже. Я не знаю, как этот цвет волос называется.

— Это называется натуральная блондинка. А ты реально дурочка... За что тебя сюда?

— Меня кто-то избил и по голове... А в больнице спросили как зовут. А я не помню. Ничего не помню.

— Амнезия... Говорят, что это проходит потом... со временем.

— А тебя за что?

— Ты вообще ничего не помнишь?

— Не-а.

— А... Ну тебя там тогда даже не было... Короче... В июле Игорёк тогда на меня тоже

глаз положил...

— А Игорь — это кто?

— Ну, Король же... Игорь Короленко. Ну ты вооще... Короче решили они меня... это... А я сбежала. Решила на Родину поехать. У меня где-то тут недалеко тётка должна быть. Мамина сеструха родная...

«Да знаю я всё про тебя. Даже больше теперь чем ты сама, наверное... И с тётей Наташей уже пообщался. Вот ведь как. Блин. Что же делать? И как теперь мне из всей этой ситуации выкручиваться?»

— Не доехала... По дороге я то на электричках, то на автобусах. Деньги у меня были. Не совсем чуть-чуть. А вот в Шуе у меня... Короче, меня мент арестовал. Усатый такой.

«Блин. Всё чудесатее и чудесатее. Кажется, я знаю этого мента...»

Но надо спросить подробности. Подпускаю наивности в голосе:

— А за что?

— Меня трое козлов каких-то местных поймали, затащили в подворотню. Там старый дом, а во дворе никого. Ну вот в этом доме меня по очереди... все трое... а потом ещё... И били... А один стал об меня окурки тушить. Беломориной тыкал... в грудь...

Она замолчала... Видимо воспоминания давались ей не очень то легко... Но продолжила...

— Я схватила разбитую бутылку и в лицо ему. Он так орал, как будто ему на яйца наступили... И ещё... он плакал...

«Похоже и этого меченного, как и всю эту гоп-компанию я тоже прекрасно знаю. Ну вот откуда такие совпадения? Неужели я прошёл весь путь Александры. И маршрут совпадает до мелочей. Шуя. Гопники. Менты. Психушка. Но вряд ли она ездила в Питер. И с тётей она так и не встретилась. Иначе бы меня за неё не приняли бы... А в остальном всё совпадает. Странно. Может это и есть моя цель? Спасти её из психушки... Ну, не знаю. Вряд ли вселенский разум, или что ещё там, ради этого выдёргивал бы меня из будущего и забрасывал в прошлое. Если бы меня здесь не было, то... Инга бы умерла там, на дереве... А Александра... Скорее всего умерла бы здесь, в больнице. И вряд ли это окажет какое-то воздействие на будущее. По крайней мере на моё будущее... А теперь оно есть? Моё будущее...»

Между тем моя сокамерница продолжала. В её глазах сверкнули кровавые огоньки. Это она вспоминала с видимым удовольствием.

— Я ему всю рожу распахала. А остальные двое убежали, когда я на них пошла с разбитой бутылкой в руках... Я за ними побежала. Голая, в крови... И с «розочкой» в руке.

«Представляю себе эту картину. Молодец Сашка! Валькирия!»

— На улице почти сразу меня менты скрутили... Этот усатый даже избил. Он вообще садист. Но тем троим, так ничего и не было. Того, что с резаной мордой в больницу отправили. А меня арестовали. Я быстро сообразила, что если скажу, что мне уже есть четырнадцать, то меня посадят... Лучше уж посадили бы...

— А почему четырнадцать? А за что посадить то? Ты ж защищалась...

— Ты что, не помнишь, в школе говорили... Ах, да, ты же не помнишь. Так вот с четырнадцати лет могут посадить в тюрьму. А мне пришили статью за какие-то тяжкие повреждения за того порезанного.

— А им ничего, за тебя?

— Нет. Ничего. Мне одна зечка в камере, где я сидела, пояснила, что один из тех

насильников — сын того усатого мента. Козёл ещё тот. Любит баб бить, насиловать и мучить.

— Но тебя же не посадили.

— Я, как и ты сказала, что не помню кто я и откуда. А в камере вскрыла себе вены. Я не хотела умирать. Так хотела сымитировать. Но получилось серьёзно. Чуть не сдохла. Меня в больницу. А в больнице психиатр сказал, что мне может быть как пятнадцать, так и тринадцать лет. Подлечили немного. Всё пытались вызнать кто я и откуда. Не получилось. И вот я здесь, уже больше полугода. Лучше бы меня посадили. Но теперь назад дороги нет. Я здесь снова хотела вены вскрыть... Не получилось. Пыталась повесится... Откачали. И колют всё время какую-то гадость. Я потом валяюсь как бревно. И от таблеток тоже... А после лекарств ломает всё тело, как огнём изнутри жжёт...

Мне было очень жалко эту девочку. Но ещё более жалко было себя. С перспективами такого будущего я не согласен.

— А бежать не пробовала?

— Как? После препаратов сама себя не помню. Хожу еле-еле. До сортира не дохожу. Под себя мочусь. А меня за это потом санитары...

— Бьют?

— И бьют тоже... — она оценивающе посмотрела на меня. — Ты ещё мелкая... На тебя могут не позариться. Хотя... Короче, готовься. Накормят лекарствами, а потом всю ночь будут драть во все дырки. Может и сегодня придёт. Этот Антон, который сегодня дежурит — любитель новеньких укрощать...

— А если врачу пожаловаться потом.

— Ты дура что ли? Кто тебе поверит. Ты же псих. Ты можешь и насочинять что угодно.

— А если кто-то забеременеет от них?

Саша надолго замолчала...

— Два месяца назад... Или три уже... Антон, этот гандон... ночью приводил какого-то фельдшера. И они мне сделали аборт. Без наркоза. Почти. Я была под этими таблетками. Я всё чувствовала. Но не могла даже «мяу» сказать... Им ничего не будет... Если ты — никто. И если у тебя нет родственников... Ты реально НИКТО. И звать тебя никак. Поэтому творят. Что хотят. А сдохнешь... закопают на ближайшем кладбище. Справку врачаха какую угодно напишет.

— Ну, тогда надо бежать...

— Как? Куда?? Это бездна.... Пропасть. Отсюда не выбраться. Я хочу сдохнуть...
Отпусти меня...

Сам не понимая почему, я прижал эту почти незнакомую мне девочку к себе, и гладил по голове... Гладил, гладил... Постепенно она стала затихать... Я отпустил её. Она отстранилась от меня и пристально посмотрела мне в глаза:

— А ты правда ничего не помнишь?

Прямо как в старом советском телесериале «Адъютант его Превосходительства». Там тоже мальчик Юра, сын полковника Львова, прямо так и спрашивает главного героя:

— Пал Андреич, Вы — шпион?

Ну, а тот ему в ответ:

— Понимаете, Юрий...

Мне, что тоже так себя вести?

Я заметно напрягся. Надо ли мне признаваться, что я не только всё помню, но и знаю намного больше чем надо?

Вроде бы тут всё на поверхности. Сестра по несчастью. Практически подруга. Она и так знает меня по школе-интернату. Если бы ей надо было меня «сдать» ментам или врачам, то и этого знания про меня вполне хватит. Но хватит для чего? Если меня вернут обратно в интернат, то... Скорее всего могут и повесить на меня всех собак. Так на всякий случай. А Саша? Что ей будет, если она меня сдаст. А ничего. Ничего хорошего. Могут и посадить за порезанную морду. А могут и ничего не делать. Будет здесь валяться. И будут её санитары ночью по-прежнему трахать под таблетками... И что она выиграет? Ничего. А проиграет? Тоже вроде бы ничего. Но сейчас у неё есть реальный шанс вырваться отсюда. Хотя она этого ещё сама до конца не осознаёт. Но возможно лелеет какую-то надежду на что-то... На что?

А на что надеются люди? Вот так просто? На что?

На чудо!

Может и мне стоит подработать вот таким вот Чудом? А вдруг это мне реально зачтётся где-то там, свыше?

Нет. Я сейчас не про бога. А скорее про карму. Всё-таки есть там что-то такое, что учитывает наши добрые и бескорыстные поступки. А так ли я бескорыстен с Александрой Котовой? Ведь я уже пользовался её именем. Но не до конца. Я так и не сумел до конца официально засветиться под её именем. Ну разве только с тётей. Хотя. Если мы выберемся отсюда, то я могу и покаяться перед Натальей Ивановной. Всё объясню и всё расскажу. Я думаю, что она поймёт. Понять и простить. Как это смешно звучало по телевизору из уст Миши Галустяна в роли Бородача. Но на самом деле русские люди именно такие. Понять и простить — это наше всё.

Поэтому я не думаю, что моё признание перед этой девочкой сможет мне как-то повредить. А может и поможет даже. Ведь: Одна голова хорошо, а две... А две — некрасиво... Ладно. Пора сдаваться. А то Сашка чего-то заскучала пока я тут размышляю... Нырнул как в омут с головой:

— Я всё помню.

Блин блинский... Ну, сколько можно врать? Сколько у меня уже было придумано складных историй. А может и не совсем складных. Но пока меня ещё никто не раскусил вроде бы... Вот уже год без малого вру, вру, вру...

Пришлось рассказывать Александре новую версию моей жизни. За вычетом истории с «нашей» тётей, которую я встретил на трёх вокзалах и проводил в Армавир. За минусом расправы над Королевской компанией оптом и в розницу. Минус рассказ о «помощи в переходе улицы» старушке Нонне...

В сухом остатке остался скупой рассказ о моём лечении в больнице и побеге из школы-интерната. Зато в подробностях рассказал про драку в вагоне и драку во дворике у булочной. Ну а дальше что? А дальше больница и сюда....

Моя новая подруга немного удивилась моей расправе над шпаной. Но потом сама нашла этому объяснение: Ну, ты же это, типа циркачка, гимнастка и всё такое. Короче решила что я реальная супергёрл.

Я её понимаю. После полугода издевательств, побоев, насилия и пыток лекарствами... А тут такая всё крутая «Циркачка», которая одна может всех побить...

Ага... Только почему я тоже здесь, рядом с ней на соседней койке в психиатрической лечебнице? Да потому... Что я не супергёрл, а просто чертовски везучий сукин сын... А может и не чертовски... А может и не везучий...

Надо снова думать. Думать надо снова... Время безжалостно... Время идёт... И скоро в палату нам кто-то придёт...

Да. Сашка сказала, что не исключено, а скорее всего... Короче. Обычно часа в два ночи санитары шастают по палатам. И если всё спокойно... Спокойно удовлетворяют свои половые потребности... Насилуют кого выберут. Или просто куражатся. Глумятся. Так тоже развлекаются.

Я про себя подумал, что ещё нет в мире смартфонов. А то были бы ещё и сэлфи с психами и прочая муть...

— Обычно дежурят по двое. Сегодня будет Антон. Это тот худой санитар. И тётка. Как её зовут? То ли Дарья, то ли Марья... какая разница. Она в основном бухает у себя в комнате для дежурной смены. Это у выхода. Там и кнопка есть, которая сирена и звонок в милицию. А когда дежурят ночью те двое, то они сначала нажмутся, а потом начинают куролесить. Ещё где-то сидит дежурный врач, но не в этом помещении, а в другой какой-то церкви.

— В церкви?

— Ну, да... Это же раньше, при царе, монастырь какой-то был. А уже после революции его превратили в психушку. Тут много всяких церквей. В одной склад. В другой... А, не важно. Потом увидишь...

— Не хотелось бы...

Сашка тем временем продолжала:

— Так что сегодня если кто и придёт, то только один Антон.

— А что у него из оружия есть с собой?

— Какого оружия?

— Ну, чем-то он должен защищаться, если на него психи нападут?

— Верёвки есть специальные. Как пояс от халата, только длинный и прочный... Уколы колют...

— Да. Я не об этом. Дубинки какие-нибудь? Электрошокеры?...

— Электро... что?

— Не парься! Это я так... То есть, у них нет никаких спецсредств?

— Лекарства?

— Да нет же... То, чем могут ударить, вырубить буйного психа.

— А тут нет буйных. Всех буйных ещё днём так обколют, что они лежат как овощи на грядке. И могут ещё к кровати привязать. Так, чтобы не дёргался. Но скорее всего, это для того, чтобы кто-то сам себя не убил. Я вон грызла вены на руке... Меня потом привязали и не кормили пару дней.

— А почему не кормили? Это что помогает психам при обострении?

— Нет. Не помогает. Но это... чтобы меньше дерьма из под нас выносить. Если привязан, то... всё под себя.

Она откинула простыню, и я увидел матрас, полностью обшитый клеёнкой. Ясно для чего...

— Когда у меня всё нормально было... Меня даже привлекали помогать санитарам, убирать за другими больными. За это сигареты дают. Или позволяют не пить таблетки. А таблетками они потом торгуют. Это такие таблетки...

Я перебил её. Сам знаю, что за таблетки и кому они их продают.

— То есть, этот санитар приходит ночью в палату один, без оружия... и творит что хочет?

— Ну, а что ты ему сделаешь? После таблеток и уколов ни у кого из нас сил нет. Ноги, руки как чужие. К тому же, он привязывает сначала... Так как ему удобно, а потом...

— Но он точно приходит один?

— Антон приходит всегда один. А эти двое...

— Не важно... Их сегодня тут нет. А этот сегодня точно придёт?

— Ну... Я не знаю... Может придёт...

— Ясно...

Мне было ясно, что ничего не ясно. Придёт ли сегодня этот похотливый санитар или нет? Придёт он, чтобы что-то делать со мной или с Сашкой? Придёт он один или с санитаркой? Ничего не ясно. И ничего не понятно.

Надо подумать! Снова надо думать. Последнее время я только и делаю. что думаю, думаю, думаю... Если бы мозг был мышцей, то моя голова бы уже раскачалась раза в два от предыдущего размера. Потрогал голову руками... Нет. Вроде того же размера.

— Ты, Саш, ложись пока. И спи. Или делай вид, что спишь. А мне надо подумать...

— А ты...

— Всё потом... Я тебе всё после объясню...

— Но...

— Потом... Всё потом....

Сашка заняла свою кровать. А я так и лежал на спине, глядя в потолок. Немного погодя я закрыл глаза... Даже успел слегка задремать. Но это была, скажем так... полудрёма. Я слышал, как сопит моя сокамерница, как поскрипывают пружины её кровати, когда она ворочается... Я стал слышать даже звуки из коридора... Вот кто-то идёт по коридору. Звуки... стук... Хлопнула какая-то дверь... Тишина... Возня... Снова тишина... Снова звук захлопывающейся двери, скрежет замка... Хотя вроде бы на дверях не замки, а щеколды. Значит можно из коридора без ключа открыть другие палаты... Зачем мне это? Не знаю. Пока не знаю...

Шаги по коридору... Кто-то заглядывает в нашу дверь... На дверях есть глазок, как в тюрьме, чтобы можно было не открывая дверь заглянуть внутрь...

Я замер. Я сплю... Я делаю вид, что сплю... Я должен сам поверить, что я сплю, тогда со стороны тоже будет казаться, что я сплю...

Скрежет засова... Открывается дверь... Гашу в себе желание приоткрыть глаза и посмотреть... Нельзя. Я же сплю...

Шаги по полу нашей камеры... Шаги одного человека... В коридоре тихо. В коридоре никого больше нет...

Я лежу. Стараюсь дышать ровно, как дышит спящий человек. Вроде получается... Я чувствую. Я чувствую, как на меня смотрят в упор... Очень неприятное ощущение... Только бы он не стал сразу меня трогать. Боюсь, что я сорвусь и не выдержу. Стану сопротивляться. А смогу ли я сопротивляться взрослому санитару, имеющему большой опыт в борьбе с психами? Не уверен.

Давление чужого взгляда исчезло. Я почувствовал или услышал, как человек отвернулся от меня и стал возиться у соседней кровати. Александра стала дёргаться. Послышался шлепок удара. Возня стала сильнее. Послышалось сдавленное мычание. То ли он заткнул её чем-то рот, то ли просто прижал её голову к подушке... А это значит, что он отвернулся от меня.

Стараюсь не делать лишних движений, стараюсь даже не шевелиться, приоткрываю глаза...

Санитар спиной ко мне возился с Сашкой, привязывая её к кровати. Длинная верёвка в его руках извивается змеёй.

Стараюсь не скрипеть кроватью, что чрезвычайно сложно, спускаю ноги на пол... Кровать всё же предательски скрипит, но поздно, я уже на ногах. Наношу резкий удар в основание черепа. Там, где череп сходится с первым позвонком. Этот удар у меня отработан ещё в прошлой жизни. Но нынче у меня маленький кулачок, а силы... Силы хватило... Тело санитаря обмякло, но я бью ещё раз... Так, на всякий случай...

Тело заваливается вбок... Сползает с кровати. На кровати моргая на меня сумасшедшими глазами таращится Сашка. Во рту у неё кляп. А её правая рука уже привязана к спинке кровати... Левую ещё не успел привязать противный санитар...

А веревка-то тут не одна. Вот и вторая такая же валяется в ногах. Хватаю прочную тканевую «вязку» и быстро пеленаю руки у Антона за спиной. Не только запястья, но и локти. Так надёжнее. Затем разматываю верёвку с руки у Сашки, и туго связываю ноги нашему пленному. Тоже и щиколотки, и колени. Свободные концы продеваю под связанные руки. Делаю ему «ласточку». Старый ментовской приём. Очень способствует обездвиживанию «пациента». Кляп изо рта Александры «переезжает» в рот Антона.

Сажусь на холодный пол. Выдыхаю. Меня колотит как в нервном приступе. Ну, ещё бы... Адреналина нахватался по самые не могу...

Моя новая подруга смотрит на меня вопросительно. Она пока ничего не понимает, но видимо чувствует, что это новый этап в жизни. Потому что назад дороги уже нет.

Наконец я прихожу в себя и начинаю соображать более менее спокойно:

— Сашка! А где хранится одежда больных?

— Не знаю. У меня одежды своей вообще не было. Я же голая бегала с бутылкой за этими... А потом меня в милиции чем-то прикрыли. А в больнице...

— Ясно. А есть у них какой-нибудь склад или ещё что?

— Я не знаю меня водили только в туалет и к врачу...

— Тоже ясно... Значит надо допросить этого... санитаря...

— А что нам будет?

— Всё нам будет... всё будет...

Быстро обыскиваю нашего пленного. Практически ничего нет. Мелочь, несколько монеток... В карманах халата связка ключей... Нет. Две связки. Одно колечко большое, на нём в основном ключи от дверных замков старого образца. Ну, это для меня они старого образца. Может сейчас и нет более современных ключей, для меня, того будущего... Нет есть и плоские... А вот на втором колечке всего три ключа. Один обычный, английский... А два других поменьше. Один как бы почтовый. Простой, как отмычка. А второй. А второй типа автомобильный. Маленький, как был у замков на дверях у «Москвичей» или «Волг». Вот это уже интересно. От дверей есть, а где ключ от зажигания? Или это не от машины? Ладно. После разберёмся... Спички. Пачка сигарет «Ява»... Московская... Пижон. Сашка сразу забрала у меня сигареты и спички. Достав из початой уже пачки одну, закурила. С наслаждением затянулась. Закашлялась...

Я быстро выглядываю в коридор. Там тишина... Что же дальше? Потрошить этого или сходить разобраться со второй санитаркой?

— Где сидит вторая санитарка?

— Я не знаю... — начинает отвечать Сашка, но сразу же: — В конце коридора дверь. Она заперта, а за ней другой коридор. И там у выхода комнатка. Она может быть там... Скорее всего там... Она ночью не ходит сюда. А этот... говорил, что набухается и спит.

— Хорошо. — и обращаясь к своей сокамернице: — В туалет пойдёшь? А то меня чего-то припёрло...

В туалет действительно надо. Хотя бы отлить. Нервное напряжение последних часов, а особенно последних минут даёт себя знать.

— Пойду.

— Веди! А то я тут ещё плохо ориентируюсь. Только тихо.

— Я поняла. — пискнула моя старшая подруга. Она уже приняла моё главенство в нашей команде и слушается меня, не споря.

И мы пошли. В коридоре был такой же полусумрак полумрак, как и в палатах. Видно куда идти, да и ладно. Мы по быстрому сделали свои дела. Я ещё тщательно умылась по пояс, скинув с себя рубашку. Горловина рубашки и до этого была мне великовата, норовя сползти то на одно, то на другое плечо. А когда я надорвал слегка, то свободно сползала, если надо. Умывшись, я натянул ветхую ткань снова на плечи, и мы двинулись обратно. Идти было недалеко. Третья дверь от туалета... В палате тихо. Заходим. Я прикрываю дверь. Мы остаёмся наедине со связанным санитаром.

За время нашего отсутствия он ещё не пришёл в себя? Жив ли? Трогаю жилку на шее. Всё в норме. Бьётся. Бью его по щекам. Начинает моргать... Задёргался, блин. Замычал.

Приставляю ему к левому глазу один из плоских ключей.

— Ты жить хочешь?

Смотрит на меня. Ишь, глазки выпучил...

— Ты меня слышишь? Если ты не будешь со мной адекватно общаться, то я тебя прямо тут грохну. И мне ничего не будет. Потому что я — псих. И ты знаешь, что максимум, что мне прилетит — это новое лечение... Поэтому я снова спрашиваю: Ты жить хочешь?

В его глазах по-прежнему злоба и ненависть, но он начинает кивать головой в знак согласия.

— Я что-то плохо тебя поняла?

Снова кивает.

— А теперь слушай меня внимательно: Я сейчас выну у тебя изо рта кляп, а ты не будешь кричать или шуметь. Согласен?

Кивает. Но по глазам его видно, что стоит ему освободиться, то мне наступит такой звиздец, что мало не покажется.

— А я ему не верю. — вдруг неожиданно вовремя подключается Сашка. — Выколи ему один глаз, чтобы он был поговорчивее.

На санитара было интересно посмотреть. Он задёргался, замычал мотая головой то вправо, то влево. Видимо пытаюсь нам доказать свою лояльность.

Я приставил ключ поближе к его глазу, слегка надавив на веко, и скомандовал:

— А ну тихо!

Он замер, как по команде. Штаны у него намокли, и в палате сильнее запахло мочой.

Воняло и раньше. Но к тому устойчивому запаху больницы, пота и нечистот я уже как бы привык. А тут этот смелый зайчик нам лужу напрудил.

— Вот сука, — скривилась Сашка и пнула его в бок. — Нассал тут. Сейчас ты у меня всё это языком вылизывать будешь. Понял?

Похоже, что эту фразу только от санитаров она слышала раньше. Плагиат, Сашенька, плагиат. А меня больше расстроили обоссанные штаны этого придурка. У меня на них были другие планы. Если я не смогу найти остатки своей одежды, то придётся воспользоваться одеждой санитаров. А теперь вот... Хотя. Если надо будет и такие сгодятся...

— Тихо. Сашенька! Я с ним сама поговорю.

Допрос длился недолго. Время ещё есть. По моим ощущениям сейчас часа три не больше. Но минут двадцать на допрос пришлось потратить всё же... Усевшись прямо на санитару пристально смотрю ему в глаза. По глазам легко можно поймать ложь. Спасибо сериалу из будущего с Тимом Ротом. Там он подробно рассказывал, как по лицу читать. Своё единственное оружие — плоский ключ, сжимаю в правой руке.

— Кто ещё в больнице из персонала?

— Санитарка Дарья. Пьяная. Спит в комнате дежурных у выхода.

— Кто ещё?

— Никого.

— Врёшь, *ля. — замахиваюсь ключом, целя в глаз.

— Не вру. — дёргается подо мной злодей.

— А врач?

— Она уехала. Домой. У неё ребёнок болеет. Она под утро вернётся за час до сдачи смены. На первом автобусе.

— На чём ты приехал?

Молчит. Мнётся. Но отвечает.

— На мопеде. «Рига». Стоит на улице. Под навесом.

— Как он заводится?

Снова мнётся.

— Да ты не мнись... — стараюсь говорить проникновенно, почти по-дружески. — Когда бензин кончится, я его брошу. Поставлю где-нибудь аккуратненько. Ты же утром кинешь ментам заяву. А они его найдут. Мы к тому времени уже далеко будем...

Вижу в его глазах недоверие... Слегка подавливаю.

— Я же всё равно его заведу. Но тебе это уже будет всё равно. Придушу тебя полотенцем и всё...

— Ты меня обманешь.

— А зачем?

— Кто тебе помешает меня убить после того, как я всё расскажу.

— На фиг мне тебя убивать. Так у меня будет просто побег. Малолетке за это много не дадут. А если на мне будет жмурик, то по-взрослому осудят. Мне это надо? Ты не робей. Антоха! Мы по-тихому уйдём. А ты утром расскажешь, что мы де вскрыли палату и связали тебя прямо на коридоре. Придумаешь что сказать, чтобы оправдаться. Ты никуда не заходил, ничего запретного не делал. Дарья не пила, не спала... Ну или наоборот, свали всё на неё. Типа пила, спала... Мне тебя учить что ли? Ты — мальчик взрослый. Сам сообразишь.

По его глазам было видно, как быстро-быстро бегают дурные мысли в его голове. Но он согласился с моими доводами и... пошёл на сотрудничество...

Эх, если бы он знал, сколько таких лошков я завербовал, будучи опером в конце далёких отсюда девяностых.

В общем, он мне всё подробно рассказал. И где у него секретки в мопеде, и сколько бензина в баке, и куда ключ вставлять... Вообще-то в мопеде изначально не было замка зажигания с ключом, а это он сам сделал, чтобы не угнали. Хотя угнать могут и с ключом, и без него.

А ещё он подробно описал, где хранится одежда больных. И от чего какой ключ на его связке. Так что выход на волю уже почти что готов. Надо лишь устранить санитарку. Судя по его словам, она как выпьет. Сразу заваливается спать и дрыхнет до утра. У неё будильник поставлен на время за полтора часа до смены. Так что с утра она снова на посту и всё такое... А ночью её из пушки не разбудишь.

Слушаю его и сразу делю на два. Всё он так складно раскладывает. Но складно не бывает никогда. И я уже с этим сталкивался неоднократно...

Ладно. Посмотрим.

— Сашка! Кляп ему в рот. А я пойду, гляну обстановку.

Склад вещей находится в конце коридора. Напротив туалета. Там, где моют больных. Там же есть ещё одна дверь. Всё время закрытая, теперь же она поддаётся правильно названному санитаром ключу.

Стеллаж с полками и картонные коробки с фамилиями. На одной коробке только номер 6/2. В ней лежат мои штаны и всё остальное. Даже кепка моя здесь.

Отлично! Быстро натягиваю на себя свои вещи. Несмотря на то, что они грязные и нестиранные, но... Это МОИ вещи. Наконец-то снова я одет в привычное своё. И хотя водолазка порвана и грубо зашита, но это моя водолазка...

Порывшись в других коробках. Нашёл ещё много всего интересного. Примерно прикинув габариты подруги подобрал одежду для Сашки. Много разной обуви. Надо тоже прикинуть по размеру. Но это она пусть сама. И ещё немного одежды для себя. Всё, что хотя бы чуть-чуть подходило мне по размеру, кидал в сумку. Сумка из кожзаменителя, типа большой хозяйственной нашлась тут же. Полотенце махровое китайское с ярко-красными маками... Беру.

Собрав сумку, позвал Александру. Ну как позвал... Не орать же на весь коридор. Сходил за ней в палату и привёл в кладовку. Видели бы вы с какой радостью она одевалась. Выбирала что получше. В результате, оказалась в платье и полупальто. На ногах туфли на

низком каблуке. Годится. В глаза не бросается и ладно.

— Ну а теперь: Пошли! — командую я.

Она семенит за мной. Проходя мимо своей палаты, заглядываю. Наш связанный пленник с выпученными глазами корчится на полу.

— Чего это он?

— Да я ему, — смеясь в полголоса докладывает моя добрая подружка, — это...

— Что это? — уже начинаю злиться. — Что?

— Ну, он же меня, эта... Ну я и ему, это...

— Что, *ля, это? — уже зверею я.

— Выдернула резинку у него из трусов и хрен ему перетянула, да покрепче. Чтоб он отсох у него...

— А... — успокаиваюсь я. — Ну и хрен с ним. Пошли!

Действительно, а что такого? Если к утру его освободят, то может быть и спасут ему его отросток. Ну а если нет, туда ему и дорога. В евнухи. Нечего девок беспомощных трахать в психушке.

А нам пора идти дальше. На волю...

Я качу по пустынному ночному шоссе. Еду, никуда не спешу. Очень я опасуюсь всяких ямок. Коих на этой заштатной дороге не счесть. Мопед — это вам не машина. Простым пробоем колеса на глубокой ямке не отделаешься. Тут можно и через руль перелететь, и в кювет на скорости сверзится. Дорога — дерьмо. Что может быть хуже чем грунтовка? А я вам скажу. Бывший асфальт. То есть когда-то здесь положили асфальт. Плохо или хорошо положили, не важно. Это пусть останется на совести дорожников. Но потом, со временем, асфальт приобретает трещины, в трещины попадает вода, вода зимой замерзает. А потом снова замерзает. И на дороге образуется много-много разных ям и ямочек. Если вовремя не отремонтировать, то... Да и какой нынче ремонт? Так, заплатку поставят, а то и просто щебёнкой засыпят, битумом зальют...

Короче... Страшно ехать ночью в одиночку по такой дороге. Мне нельзя попадать в аварию. Нельзя. Я теперь один... Опять один...

Почему? Да, потому, блин. Всё на хрен, пошло не по плану.

Сначала всё было хорошо. Но потом Сашка зачем-то захотела зайти и «проведать» санитарку Дарью. Я не успел ей помешать. Видимо решила там себе что-то надыбать. Может денег, может ещё чего...

Услышав звук удара, падения и вскрик, я рванул на шум. Когда я заглянул в открытую дверь, то картина предо мной не впечатляла. Сашка лежала лицом вниз на полу и зажимала обеими ладонями затылок, а позади неё с оскаленной мордой, стояла явно пьяная санитарка с горлышком от бутылки в правой руке.

Не раздумывая, бросаю сумку ей в лицо, прыгаю вперёд.

И бью её. Бью чем попало. Руками, ногами, второй винной бутылкой поднятой с пола. Бутылка ноль-восемь из-под бормотухи. Видимо такой же она и Сашку огрела по затылку, пока та копалась в шкафу у дверей. Что она там искала? Дура! Дура! Свобода была так близка... Я бью ещё и ещё...

Когда туша подо мною затихла, я не раздумывая свернула ей шею. Всё! Больше не надо сдерживаться. Если бы мы ушли по тихому, то никто бы особо не пострадал. Ну, разве только санитарчик. И то частично... Теперь мосты сожжены. Терять уже нечего...

Блин. Куртку кровью испачкал. Всё равно была рваная на спине. Снимаю с себя кидаю на морду убитой мною Дарьи.

Сашка уже затихла... Подхожу... Аккуратно, чтобы не испачкаться снова в крови, проверяю пульс. Нет. И не дышит уже. Кровь из-под ладоней уже не пульсирует и даже не течёт.

Эх, Сашка, Сашка... Не успел я для тебя сотворить чудо — подарить свободу. Ну что же ты наделала? Что ты там искала в этом шкафу. Лекарства какие-то... Зачем? Эх!...

Оставив Сашку лежать там же, где она и лежала. А что я могу сделать для неё? Вынести на улицу и выкопать могилу, чтобы похоронить по-человечески. Прости меня, подруга! Но пора сваливать. А времени нет. Ты реально в этой жизни могла бы мне стать боевой подругой. Но... Ты сама наступила на эти грабли. Зачем? Зачем ты без меня... Да ну...

Подумав немного, я всё-таки сгрёб из шкафчика всё, что там было. Таблетки, ампулы, шприцы и всё такое. Всё... Всё, что там было. Вынув из сумки приватизированную на складе кожаную куртку, медикаменты запихнул на освободившееся место. Сумка сверху ещё и

застёгивалась двумя ремешками. Прикинул куртку. Куртка как куртка, и не куртка даже, а чёрный кожаный пиджачок. И как будто даже не совсем женский. Покрой прямой, ну разве, что слегка притален. Типа унисекс. Но мне почти в размер. Так будет даже удобнее. А то куртка с дырой на спине — не комильфо, однако.

В другом шкафу была одежда. Сразу ясно, что это верхняя одежда санитаров. Обшарив карманы набрал немного денег. У Дарьи было рублей двадцать с мелочью. А у Антоши аж, полста в бумажнике. Все червонцами. Ещё там были документы на мопед. Я помнил эту практику. На мопеде с четырнадцати лет можно было ездить без прав. Но документы на аппарат надо иметь с собой, чтобы гаишникам доказывать, что ты его не украл. Беру с собой. Остальные документы паспорт и прочая хрень мне не нужна. Я не смогу представляться двадцатисемилетним мужчиной. Да и на фото он не похож на меня. Тёмненький.

Точно. Мне надо сменить окрас. Либо налысо подстричься, либо покраситься. И там, и там есть свои минусы. Лысыми сейчас ходить не модно у молодых. В моде как раз подлиннее волосы. Лысыми ходят либо зеки, освободившиеся с зоны, либо сбежавшие из армии солдатики. Ну и ещё если вши, то тоже стригут налысо... Тоже не вариант. А окрашенные волосы через некоторое время отрастут и будут видны корни. Фальшивых блондинок с тёмными корнями я насмотрелся. А вот брюнеток со светлыми, что-то не помню. Но это опять — лирика. Не сейчас...

Куртку Антона я брать не стал. Его куртка хоть и была тоже кожаная, но она мне, это... длиной как пальто. Я бы мог носить её и как кожаное пальто, но накладные карманы у колена? Извините... Не мой фасончик.

Я открыл дверь на выход, за ней как бы тамбур и ещё одна дверь. Аккуратно открыл и её. Выглядываю на улицу. Ещё темно. До рассвета часа полтора, а может два. Но пока ещё не видно на востоке просветления. Да и где он этот восток тоже пока не видно. Я помню, что мне надо будет двигаться на юг. По крайней мере, держать такое направление по дороге.

Как и рассказывал мне санитар Антон, его мопед стоит под навесом. В темноте не особо видно, но похоже что покрашен в какой-то оттенок зелёного. Не хаки, а скорее всего светло-зелёный ближе к салатовому. Разнообразие красок в Союзе не наблюдалось в эти времена.

Пошатав мопед туда-сюда, услышал плеск бензина в баке. значит есть пока. Если что заправим. Я помню, что надо ещё масло добавлять типа один к двадцати. Короче — полстакана на бак сойдёт. А может и так хватит бензина на дорогу. Хотя вроде бы не стоит сразу ехать к месту моей землянки. Это — след. А следы надо обрубать...

Я включил хитрый тумблер под баком, вставил ключ в замок зажигания, повернул и... Задумался. Нет. Надо ещё кое-что сделать. Иначе. Иначе меня могут быстро найти. Или. По крайней мере, выйти на мой след. Повернул ключ обратно. Сумку привязал к багажнику. Нашёлся шнурок под сиденьем. Наверное, там для этого и лежал. Там же были гаечные ключи и какой-то пластиковый пузырёк грамм на сто. Масло. Молодец, Антон! Запасливый. Как раз на одну заправку. Пригодится.

Итак... Транспорт готов. Я верю, в то, что заведётся как надо. Вроде бы пока Антон меня не обманывал. Да, кстати, Антон... нельзя мальчика оставлять вот так, как есть... Возвращаюсь в палату и сворачиваю ему шею. Это не сложно. Что же дальше? Надо бы шухер здесь навести. Чтобы так... Ух...

В комнате санитаров меня привлекла керосиновая плитка, стоящая почему-то под кроватью. Видимо нельзя. Видимо спрятали так. Видимо это и есть знаменитый керогаз. Я

таких не застал уже по возрасту. Видел в интернете, но разбираться с прибором мне и не надо. О, тут и запас керосина есть. Вытаскиваю ещё и початую бутылку с резиновой пробкой. Пахнет противно, значит точно керосин. Выливаю весь запас на санитарку и заодно на всё вокруг. Опрокидываю керогаз. Из него тоже вытекает.

Спички?... Точно. Сашка у Антона брала сигареты и спички. Пошарил по карманам, есть.

Так. Стоп... Надо бы ещё к врачу в кабинет заглянуть. На связке ключей, взятых у санитары нашёл нужный. Открыл дверь. О, это я удачно зашёл. На полке в шкафу медицинские карты больных. Вот и моя свежая папочка... Слегка порылся... Вот и Сашкина. Листаю. Нет фамилию не установили, значит неизвестной... Молодец, девочка... Была... Ворох остальных бумаг тащу к санитарам, кидаю в лужу с керосином. А свои и Сашкины ещё и порвал помельче.

Пошарив в кабинете главврача нашёл ещё немало ништяков. Две бутылки армянского коньяка, коробку шоколадных конфет. Забрал. Пригодятся. В углу холодильник «Саратов», какой-то ребристый. Необычный. Я такого и не видел раньше. Но то, что это «Саратов» — было написано у него на дверях. В небольшом холодильнике лежала колбаса в коричневой бумаге. Примерно с полбатона. Сырокопчёная. Две банки тушёнки с коровой на этикетке, банка сгущёнки с традиционной бело-синей раскраской. Ого! Две жестяные баночки с красной икрой и одна маленькая стеклянная с чёрной. Беру... Не обжорства ради, а для повышений гемоглобина в крови очень пригодится. Кухонные ножи, консервная открывашка из ящика стола, дополнили картину. Хватит. Не донесу. Свернув из белого халата тару для продуктов, оттащил всё к мопеду. Отвязал сумку от багажника. Добавил груз. И снова привязал покрепче. Пора бы и валить...

А теперь: Шоу!

Show must go on!

Возвращаюсь обратно и одну за другой распахиваю все подряд двери. Во все палаты, во все коридоры. Некоторые из психов уже посматривают на меня из-под одеяла. Но никто особо не реагирует. А некоторые так и вообще спят. Захожу в кладовку, собираю в кучу все вещи, которые могу ухватить, чтобы после раскидать по всем коридорам. Будет психам чем заняться. Если кто своё увидит, то возьмёт обязательно. А если возьмёт кто-то чужой... Ну, что же, придётся побороться за своё.

Чего-то больные не особо бодрые. Подхватываю в моечном помещении два ведра, наполняю водой и возвращаюсь в коридор. Из некоторых палат уже высовываются настороженные любопытные мордочки... Я же спешу в те палаты, откуда ещё никто не высунулся, и прямо из ведра окатываю спящих холодной водой. Сначала в одной палате, а потом ещё и в другой уже ближе к выходу. Пока психи кричат и разбираются с тем, что же происходит, тороплюсь, почти что бегу к выхода. У самого выхода забегаю в палату санитаров и бросаю зажжённую спичку в лужу с керосином. Хорошо, что бросал прямо от самых дверей. Полыхнуло в замкнутом помещении так, что аж лицо чуть не опалило.

Судя по крикам позади, психам моё шоу понравилось. А я наконец понял, что означала армейская поговорка: Пожар в борделе во время наводнения.

Ну а мне пора...

Выскакиваю, поворачиваю ключ зажигания, отжимаю сцепление, толкаю мопед в разгон, прыгаю на ходу и отпустив сцепление, уже еду...

Завёлся сразу. Снова повезло. Всегда бы так.

Через полчаса уже стало светлеть небо. Я ехал не на юг. Решил пока держать путь на север. Может, так собыю погоню со следа, хоть на какое-то короткое время. Если, конечно, она будет эта погоня...

Высока вероятность, что половина психов разбежится. А другая половина так раскурочит брошенную мною больницу, что... Кто будет искать маленькую девочку, пропавшую во время пожара в психбольнице? Если бы я один исчез, или мы вдвоём с Сашкой, то да. А тут... Хрен его знает. Может и не разбегутся. Хотя вряд ли. Психи они такие. Человек не может долго сидеть взаперти. Человеку нужна свобода. Но это понимает только тот, кто был её лишён. Солдатик, зек или пациент психушки. Которых долго не выпускали. Которых держали взаперти. И вдруг... Двери открыты... Пожар... Ура! Свобода! Я бы сбежал... Ну, вот я и сбежал...

Осталось понять: Куда бежать?

Пока двигаюсь на север... А на ближайшем большом перекрёстке уйду налево в сторону Иваново. А там посмотрим...

Еду не спеша. Никого не трогаю. Дорога пустая. Ну, еду себе и еду... Хорошо, свежо, рано... Уже светает...

И вдруг меня, как током по голове шарахнуло... А вокруг-то всё — зелёное. Весна, блин, пришла... Пока я лежал в одной больнице, пока выбирался из другой, сменилась картинка. Ещё не смелая, но уже зелёная листва практически на всех деревьях. А это значит... Это значит, что пора сделать то, ради чего я здесь так задержался. Ну, а потом уже и валить отсюда на хрен. Куда-нибудь подальше. Желательно так далеко, чтобы потом и не нашёл никто. Надоело мне что-то в Ивановской области. На родину Сашки, в полузатопленный город Пучеж? Не хочу. Нечего там делать. В Москву? Если только мимо, проездом. Ведь у нас так устроен транспорт в Союзе, что мимо Москвы не проехать, чтобы в неё не заехать.

Только успел это подумать. Как тут же поймал мысль, что «у нас в Союзе» — прозвучало для меня вполне гармонично. Неужели я свикся с мыслью, что мне тут жить?

И, кстати, а где моя Инга? Я её не слышал и не чувствовал с того времени, как попал в психушку. Зову свою подругу:

— Инга! Ау! Ты где?

Откликается не сразу, а лишь на второе «Ау!».

— Я здесь... — голос внутри меня звучит тихо.

— Инга! Что с тобой?

— Я... Я не знаю... Меня всё меньше и меньше. Я даже порою не слышу тебя. Как тогда, после того...

— Да я понял. А почему такое с тобой?

— Ну, я не знаю ничего. — в её голосе, что слышан в моей голове проскальзывают истерические интонации.

— С тобой всё нормально? — глупый вопрос. Я же чувствую, что не всё нормально...

— Нет... — и вдруг безо всякого перехода: — А убивать их было обязательно?

— А почему ты спрашиваешь? Тебе их жалко стало?

— ... Я не знаю...

— Антон насильовал девочек. И другие санитары, кстати, тоже. Жаль, что я их тоже...

— А санитарку?

— Она всё знала. Но просто бухала и предпочитала не замечать, как мужики-санитары издевались над девчонками. Такие люди хуже всего. Злодей — он понятен. Он творит зло. А вот такие равнодушные люди... Они позволяют злодеям творить зло. И от этого становится ещё хуже. Помнишь. Как я рассказывал про ту семейку, где сын резал школьниц, мать выносила расчленённые трупы, а сестра просто не замечала всего этого кошмара. Или делала вид, что не замечает. Такие люди хуже нелюдей. У них принцип такой: Моя хата с краю. Я ничего не знаю.

— Но они же сами не убивали и...

— Послушай! Мы с тобой это уже обсуждали. Но я повторяюсь. Ты мне позволила наказывать злодеев. А я пообещал стараться не убивать невиновных. А эти люди — виновны! Виновны в своём безразличии к происходящему. Ну что стоило Дарье ещё год или два назад сообщить о происходящем с девчонками в психбольнице. Нет. Она боялась, что тогда и её лишат такой чудесной работы, где она может бухать, пока мужики насилуют девчонок и издеваются над ними. Сколько здесь умерло женщин и девушек от побоев и лекарств. Не знаешь? И я не знаю. Но знаю, что много. Кто их считать будет? Умер очередной псих. Туда ему и дорога. Так они рассуждают. Для них мы — не люди. И нас с тобой бы тоже...

— Я поняла... А можно я уйду?...

— Что? Куда? Зачем?

— Я спрячусь... И буду сидеть тихо-тихо, как мышка. Я не хочу больше быть здесь... Видеть всё это...

— Но ты останешься со мной? Если ты мне будешь нужна... Когда я позову тебя...

— Я постараюсь быть рядом... Но... Отпусти меня!.. Я устала...

— Инга! Успокойся! Всё в порядке. Я постараюсь тебя лишней раз не тревожить...

— ...

Мне показалось, что внутри меня стало как-то... очень пусто... Она ушла... Ушла тихо, чтобы спрятаться где-то там, в глубине подсознания, и спать... Тихим спокойным сном без сновидений.

А я ехал. Я сворачивал на перекрёстке и объезжал населённый пункт по лесной тропинке, чтобы не тревожить местных жителей. Снова выезжал на дорогу. И снова сворачивал, путая следы. Я ехал и ехал... Почти доехав до Иваново, я повернул в сторону Шуи. Но и туда заезжать не стал. Обогнул Шую справа по просёлочным дорогам по большой дуге. Чуть не заблудился. Но снова смог вынырнуть на трассу в сторону Коврова... Поехал медленнее. Ещё издали увидел знакомый ориентир — руины колокольни. Да, когда-то я там даже ночевал... Значит скоро и мой поворот. Свернул в лес, не доезжая поворота, пока никто не видел. Проехав ещё немного, заглушил мопед. Потом ещё какое-то время катил его на руках. Нашёл густые кусты. Отвязал сумку от багажника. Мопед загнал в кусты поглубже и забросал ветками. Сразу вспомнилась Шапокляк из мультика про Крокодила Гену.

— Это хорошо, что Вы такой зелёный и плоский. Вы ложитесь на клумбу, и Вас не видно....

А хорошо, что мопед тоже зелёный...

С сумкой на плече иду по знакомому маршруту. Стараюсь не отвечивать. Заодно и слежу за тропинкой и следами на ней. Вроде бы на подходе к землянке новых следов не появилось. Неужели дембеля из прошлого призыва не показали молодым своего логова? Может и не показали... Но почему тогда там была форма рядового. И причём совсем не

дембельского вида, а скорее кого-то из духов. Наверное, слинял солдатик домой, и не вернулся. А может в речке утонул. Чего сейчас гадать. Нет его уже примерно с полгода как или больше. А скорее всего и больше. Ведь если бы он уходил зимой или поздней осенью, то была бы ещё и шинель. А вместо пилотки — шапка. Так что, скорее всего, с прошлого лета тут форма лежит. Ну или с самого начала осени. А дембеля могли быть и весенними. Они тоже ведь — ДМБ-69. Что весной, что осенью. Тогда ясно, почему землянка без хозяев. Ну а что там с формой салаги? И где он? Я подумаю об этом позже. А сейчас я ищу свежие следы вокруг землянки. Прямо к ней не подхожу, хожу кругами. И не нахожу свежих следов. Вот и ладненько...

Меня ограбили!

Мои продукты съели... мыши...

Всё, что было съестного...

Стоп. У меня же не оставалось ничего съестного.

Тогда почему тут так?... Суки серые... Свечку погрызли...

Мои туалетные газеты потрепали... Везде нагадили.

Проверяю нычки... форма тоже слегка погрызена...

А в другой? Тут всё тип-топ. Видимо запах прорезиненного ОЗК им не по нраву пришёлся. Запомним это. Самих мышей нигде не видно. Проверяю документы и деньги под потолком. В порядке. Они тоже в резине.

Но я запомнил этот мышиный разгром. Теперь я знаю, что когда тепло, мышки здесь главные хозяева. И хавчик от них надо прятать. Особенно хлеб, печенье и колбасу. Ну, с этим, попроще. Хлеба и печенья у меня нет, а колбасу...

А колбасу я бы сейчас съел. Но у меня нет воды. Пока ехал, я объезжал, старался объезжать все населённые пункты по пути. Да и магазины там ещё точно не работали. Не доросли ещё советские граждане до ночных заведений.

Ну и ладно. Вытряхнув из сумки всё содержимое, я даже поморщился от надоевшего больничного запаха. Резанувшего по органам обоняния. Я же совсем забыл про лекарства, которые я подрезал в психушке. Ну, вот теперь и разберусь. А потом... это будет потом...

Нарезав колбаски (Пока мыши не съели), я стал разбираться с медикаментами, а заодно и употреблять один за другим вкусные кусочки сырокопчёной колбаски.

Аминазин и галаперидол. Круглые таблетки коричневатого-розового цвета и ампулы с бесцветным содержимым. Отложил в сторону. Шприцы. Ещё не одноразовые, а стеклянные с блестящими металлическими деталями. Также туда же... Витаминки. Аскорбиновая кислота. Это в другую сторону. Можно и с собой брать в дорогу. Это не запрещено. Но, зачем мне так много. Один пузырёк оставлю, а остальные в сторону...

Отложив себе в дорожный набор ещё и пару бинтов, а также анальгин с аспирином, остальное замотал в портянку и спрятал в нычку. Теперь займёмся моим костюмом ниндзя.

Подготовив всё для проведения давно задуманной акции, я переоделся. Надел футболку, и фланелевую рубашку. Кепку развернул козырьком назад. Взял свою новую сумку на плечо. И пошёл снова за продуктами в Шую. Да, у меня были консервы, свистнутые у главврача, но не было хлеба и не было воды. А без воды, как говорится, и ни туды, и не сюды...

Замаскировав вход в землянку, я снова пошёл туда же, где пытался закупиться продуктами две недели назад. Ёжики плакали, кололись, но продолжали пытаться залезть на кактус...

Эх, не нарваться бы мне снова...

В Шую я добрался быстро, но ещё с полчаса обходил справа и зашёл в городок как бы с другой стороны и в другой район. Не хочу я пока встречаться со старыми знакомыми.

Не готов ещё... Пока не готов...

В совсем другом магазине купил хлеба. А в продуктивном рядом купил сразу три бутылки лимонада. И двести грамм леденцов барбарисок. Мне их насыпали в бумажный кулёк, но одну я сразу отправил за щеку. Вкус детства....

Стал искать хозтовары, не нашёл. Зато увидел вывеску «Культтовары». А это что за зверь?

Оказалось то, что надо. Тут и посуда была и свечи. Целый отсек хозяйственных товаров. Взял только свечи. А вот в другом отделе завис. Тут были и виниловые пластинки и проигрыватели. Стояло два вида телевизоров. На обоих были бумажки «По записи». Фототовары. Проявитель и фиксаж. Всякие прибамбасы для фото. Бачок для проявки плёнки и красный фонарь. А ещё был... Бинокль... Да театральный. Да со слабым увеличением. Не всё же бинокль.

— Можно посмотреть?

Продавщица с видимым неудовольствием всё-таки протянула мне бинокль. Видимо как потенциальный покупатель, я не внушал ей доверия. Хотя цена товара была смешная... Увеличение небольшое, но всё-таки... Бинокль... К тому же не белый, как я помнил в цирке и театрах, а чёрный...

— Куда платить?

— В кассу...

Так я стал обладателем вполне неплохой оптики. Конечно это не морской и даже не армейский образец, но где их взять-то...

Мне удалось незаметно исчезнуть из Шуи и так же незаметно для окружающих добраться до своей землянки. Я даже прошёл недалеко от того места, где в кустах притаился мопед. Но всё было тихо. Пока никто ещё не наткнулся на моего железного коня.

Время было к полудню. В землянке я переоделся в свой маскировочный костюм. Взяв с собой лишь бинокль и несколько барбарисок, тенью заскользил в сторону воинской части. Мне удалось вполне незаметно занять место на одном из раскидистых лиственных деревьев. Ближе к вершине мне удалось уютно устроиться в развилке веток, и я приступил к наблюдению.

Наблюдение я продолжал в течение пары дней. Мне повезло. Склад вооружений был ближе к моей стороне. И с дерева, которое я выбрал, отлично просматривался склад, подходы к нему. А также можно было заглянуть в окно к прапорщику, ответственному за этот склад. Да... Он был совсем не против приложится к заветной бутылочке, что прятал в свой стол. Там же в столе у него хранилась запасная связка ключей от внутренних отсеков с оружием. Маленький бинокль мне очень помог. На следующий день я просидел на дереве с утра до вечера, а к вечеру у меня уже сложился план операции. По моим подсчётам — сегодня тридцатое апреля. А это значит, что завтра первого мая в части будет маленький, а может и большой шухер в честь праздника. Красных транспарантов и так было много в честь столетнего юбилея Ленина, а тут ещё и Первомай. Вряд ли солдатикам будет до меня какое-то дело. Да я и не буду лезть им на глаза...

Ночь с пятницы на субботу.

Армия в советские времена охраняла себя из рук вон плохо. Как сейчас помню. Часовой мог спать, курить и оправлять естественные надобности, невзирая на то, что это всё строго запрещалось караульным уставом.

Пробраться на территорию воинской части было тоже делом не сложным. Были места, с которых спокойно просматривалась большая часть воинской части. Простите за тавтологию.

Я снова занял свой пост наблюдения ближе к вечеру, удобно устроившись в кроне раскидистого дерева недалеко от забора со звёздами огораживающий этот оплот защитников отечества. С собой у меня был бинокль. Ну и ещё бутылка с водой. Еду я не брал специально. Я тут ненадолго. Надёжный сидор дополнял моё снаряжение.

Караул как обычно сменился в девятнадцать ноль-ноль. Поначалу часовые были бодры и строго соблюдали устав. Но, после отбоя бодрость стала с них спадать как осенние листья. Во время смены часовых ещё виделась какая-то имитация несения караульной службы. Пост сдал — пост принял.

Но минут через мнадцать часовой находил себе место поспокойней, присаживался где-нибудь в уютном уголке, закуривал и т. д. Смена производилась каждые два часа. Так что времени на то, чтобы незаметно пройти до окна с решёткой которое я заметил заранее, проникнуть внутрь, найти что-нибудь полезное и смыться, у меня было примерно час. Если что-то пойдёт не так, то придётся всё делать в два захода.

Ну а пока. Как говаривал Михаил Задорнов: Смеркалось...

Скользнув через забор, скрываясь в тени, я пересёк небольшой газончик и прижался к стене склада. Любят военные всякие газончики. Чтобы потом красить травку в весёлый зелёный цвет перед приездом большого начальства. Окно было почти скрыто в кустах. Специально так наверно сделано, чтобы прапорщику солнышко в окно не светило сильно.

Решётка держалась на честном слове и паре ржавых гвоздей. Так себе защита. Сплошная имитация. Окно имело форточку. Небольшую, но мне хватит. Через окно я проникну в каптёрку прапора, ответственного за склад. Прапор старый и пережил небось не одного командира части. Пару дней наблюдения всё-таки приносит свои плоды.

На руки надеваю тонкие резиновые медицинские перчатки.

Решётка практически без звука была мною аккуратно снята и приставлена к стене. Общий пейзаж это почти не изменило, так как кусты в сумерках отлично маскировали место моего проникновения. Форточку даже не потребовалось взламывать. По причине тёплой весенней погоды, она была чуть приоткрыта. Это хорошо. Не придётся возиться со стеклом.

Подтянувшись на руках, я протиснулся в форточку. Это было несложно с моим нынешним телосложением. Стараясь сделать всё тихо, я не торопился. Время ещё было. Прямо под окном стоял стол. И это было удобно. Не пришлось спрыгивать сразу на пол. В нижнем ящике стола я обнаружил то, что искал. Связку ключей.

Сигнализации я не боялся. Она была лишь на входной двери. Когда прапорщик приходил на работу, он открывал входную дверь, звенел громкий звонок. Завскладом щёлкал выключателем на стене изнутри склада и звонил в штаб. Если он забывал это сделать, то минут через пять уже ему звонили из штаба и спрашивали: Какого хрена он им не сообщил о своём приходе? И при этом никакого шухера не поднималось. По крайней мере, в течение получаса после проникновения в склад. Но это днём. А вот если бы ночью что-то звякнуло, то думаю, что кипеш бы поднялся не слабый.

Фонарик у меня с собой. Светит еле-еле. Батарейка уже подседа. Я специально не

менял. Мне не надо ярко. Мне и этого достаточно. Зарешёченный отсек с большими зелёными ящиками. Это не то. Здесь крупняк. Гранатомёты и выстрелы к ним. Заряды для артиллерии и прочая громкая и тяжёлая хрень. Это не для меня.

Следующий отсек был явно тоже не для меня. Тут были автоматы Калашникова. Трудно было разобрать в полумраке. Либо АК-47, либо АКМ. Все длинные с деревянными прикладами. Для меня слишком тяжёлые. Даже смотреть не буду. Не моё. По крайней мере, сейчас.

Так... Пойдём дальше.

А вот тут что-то более приемлемое. Разномастные ящики с разной маркировкой. Тут надо посмотреть повнимательнее.

Сколько у меня осталось времени? Ещё минут сорок-пятьдесят. Вполне хватит.

Подбираю ключ. Третий подходит. Замок со слабым щелчком открывается. Вынимаю дужку замка из петель. Осторожно тяну на себя решётчатую дверь с замиранием сердца. А вдруг и здесь есть ранее не замеченная мною хитрая сигнализация. Ка-а-ак зазвенит всё вокруг... Но, нет. Всё тихо. Дверь даже без скрипа распаивается. И... Тишина. Ни моргания лампочек под потолком, ни трели звонка... Захожу.

Начинаю осмотр по традиции, по часовой стрелке, слева направо.

Стеллажи и полки чередуются со сложенными друг на друга ящиками. На стеллажах в основном цинки с патронами и небольшие ящики. Крупные ящики просто стоят на полу стопками по пять или шесть. Есть стопки и по три, и по два ящика. Многие ящики опечатаны. Проволочка со свинцовым «грузилом». А на некоторых просто верёвочки и пластилиновая блямба с оттиском печати. Посмотрим-посмотрим. Что там в ящиках?

Аккуратно поддеваю ножом пластилиновую контрольку, стараясь не повредить печать на ней. Получилось... но верёвочка ещё пропущена через петлю замка-скобы... Ещё более аккуратно стараюсь отделить верёвочки от пластилина... Получилось, но уже хуже. Пластелин слишком мягок. Ну и чёрт с ним. Откладываю его в сторону. Отщёлкиваю петли запоров. Что тут у нас?

Завёрнутые в промасленную бумагу и обвязанные крест-накрест разлохмаченными верёвочками пистолеты. Не знаю какие, но скорее всего ТТ, судя по форме. Вскрываю ножом одну из упаковок. Ну, точно, густо измазанный смазкой, что-то типа солидола, Тульский Токарев собственной персоной.

Интересно! Почему в таком неприглядном виде? Просто в бумаге и всё? К тому же даже в смазке было видно, что пистолетик-то сильно поношенный. Скорее всего, это те самые пистолеты, которые в Советской армии начали заменять на более поздний пистолет Макарова. Значит бывшие в употреблении. По-армейски это называется — БУ. А что это значит? Их не скоро хватятся. Так как, скорее всего, они приготовлены для сдачи на склад более длительного хранения. Или ещё куда-нибудь.

Ну да ладно... Даренному коню... Ну, то есть пистолету в ствол не смотрят. Как верно говорили в мои «девяностые»: Лучше старенький ТТ, чем дзюдо и каратэ.

В сидор кладу этот развёрнутый и ещё один в придачу. Ещё туда же кладу пару шомполов и несколько магазинов, найденных тут же, и так же завёрнутых в промасленную бумагу по две штуки в упаковке.

Пробую на вес. Тяжеловато, но, сойдёт.

А что в других ящиках? Через минут двадцать я стал обладателем ещё пары Наганов и патронов к ним. Правда, не цинком, а пачками. Взял пачек десять, примерно, не считая.

Упс... а это что такое? В ящиках с Наганами, завёрнутые в промасленную бумагу, лежали какие-то трубочки размером примерно три на пятнадцать сантиметров. Разворачиваю один... БраМит. Невероятно! Глушители для Наганов. Откуда они здесь? Да какая разница. Дайте две! Нет. Я слышал, что они быстро перестают быть эффективными из-за износа каких-то резинок. Беру четыре.

Блин. Блин. Блин... Я же не донесу. Правильно говорится в армейской поговорке: «Боеприпасов может быть совсем мало. Мало. Всё еще мало, но больше не унести.»

Под конец поисков, в одном из ящиков обнаружил автоматы странной формы. Нет. Не автоматы. Пистолет-пулемёт Судаева. ППС-43. Или ППС-42? А хрен его знает. Помню, что один короче, а другой длиннее. Некогда разбираться. Патрон у него как я помню вроде такой же как и для ТТ. Сгодится. Один отложил в сторону.

Так... Теперь патроны. Нахожу ящики с нужной маркировкой. 7,62 на 25. То, что нужно. Все ящики запечатаны. Плевать. Надоело играть в Штирлица. На это уходит слишком много времени. Ножом срезаю железную полосу, подковыриваю доски, вскрываю ящик. В нём два цинка. Беру один... килограмм пятнадцать не меньше весит зараза...

Как же мне всё это нести? В руках что ли? Пошарил у прапора в каптёрке. Запасливый военный. Парочка новых армейских вещмешков. Не таких как мой сидор, а с карманами и боковыми ремешками... Возвращаюсь. В один кладу цинк с патронами, в другой ППС. За плечами у меня два Нагана и два ТТ, плюс патроны... Да, перевешивает. Патроны перетекают к автомату, ну то есть к пистолету-пулемёту. Язык сломаешь. Пусть будет у меня автоматом.

Прикинул снова на вес... Хватит. Больше реально не потяну. Стараюсь все доски и верёвочки с проволочками приладить на место, чтобы хотя бы с виду было не заметно моё проникновение. Пластилин типа на место. Какая разница, что он смазан. Впереди одни, а потом и другие праздники. Числа дай бог десятого может и заметят. А может и не заметят... К н и г о е д . н е т

Аккуратно всё закрываю. Ключи на место. Приоткрываю форточку, высовываю голову, оглядываюсь, прислушиваюсь.

Тихо... Спокойно...

Так... С вещмешками через форточку не очень удобно. Открываю шпингалет окна. Тяну на себя. Открылось. Один мешок наружу. Затем второй, третий... А окно закрываю обратно. И на шпингалет. А сам в форточку. Форточку прикрыть. Решётку на место. На ржавые гвозди. Чуть-чуть пристукнул кулаком. Держится...

Фу-ух... Выдыхаем! Как завещал товарищ Карлсон: «Спокойствие! Только спокойствие!»

Не. Не тот Карлсон, который с Энгельсоном, а тот который — приведение с моторчиком.... Млять... Чего-то я разнервничался... Спокойствие! Только спокойствие! Как мантру повторяю снова про себя...

Та-ак... Сколько там на часах? Хорошо, что среди вещей в психбольнице я обнаружил свои часы «Ракета». Так... Смена через пятнадцать минут. Надо оглядеться. Выглядываю из кустов. Темно, тихо. Снова замираю. Обращаясь в одно большое ухо. Нет. Не тихо. Какое-то позвякивание. Звук знакомый. Так антабка брякает об карабин на автомате. Равномерно так, на каждом втором шаге. Или на первом, если левой-правой считать за один шаг. Вот появился часовой. Он явно имитировал положение о караульной службе. Бодро бродил под светом фонаря, чтобы его было видно издали. Явно ждёт смену караула. А я сижу в кустах у

стены в тени. Меня вроде бы не видно... Ну, что же. Подождём вместе с ним.

Глава 19

Не прошло и десяти минут, как пришёл разводящий с двумя караульными. Видимо ещё на один пост пойдут со сменой. Всё как обычно. Скучно и буднично. Пост сдал. Пост принял. Разошлись. И снова имитация караульной службы, и снова ненадолго.

Минут через десять часовой убедился, что разводящий со сменой удалился подальше, и углубился практически в том же направлении, что и предыдущий солдатик. Видимо там у них есть оборудованное место, для того, чтобы можно было посидеть, подремать, покурить. И что меня радует, что с того места явно не просматривается место моего отхода. Чисто физически. Так как нас разделял склад и разросшиеся кусты. Выждав ещё минут пять-десять, я начинаю своё движение.

Сидор за спину, вещмешки в руки и лёгкой трусцой вдоль стенки в сторону заветного забора. Замер. Снова огляделся. Тихо, спокойно.

Один мешок перемещается через забор. Там с той стороны кусты смягчают звук падения нехилого такого груза. Второй идёт туда же... Теперь сидор. А за ним сам. Отработанным приёмом: подтянуться на руках и перекинуть тело в один приём. С этим телом и налегке, это ещё проще, чем раньше, в армии, в сапогах и в форме на полосе препятствий.

Фу-ух. Выдыхаю. Замер. Прислушался. Тишина. Снова подхватываю свою ношу. И лесом, лесом, лесом... Ноги мои ноги... В сторону реки.

У мостика торможу. Сажу в кустах. Выдыхаю.... Ещё не рассвело. Сумрак — наше всё... На полусогнутых бегом через мостик и снова в кусты...

Несмотря на ночь, лунного света достаточно для ориентирования на местности. Петляю как заяц. По сильно большой дуге, сначала добираюсь до дороги. Посмотрел вправо-влево... Перебегаю дорогу. Мне туда не надо. Но след... А вдруг собаки?

Блин. Какие собаки? Я слишком сильно перестраховываюсь... Ну и ладно. Снова по лесу, но уже с другой стороны дороги. Снова по большой дуге. Потом опять пересекаю дорогу. С утра машины затрут и затопчут все мои следы.

Нахожу заветные кусты с мопедом. Бросаю вещмешки на землю. Выдыхаю. Всё-таки тяжеловато. Снова подхватываю груз. Бегу дальше. Через некоторое время я в землянке.

Теперь можно хоть немного, но и расслабиться.

В землянке упиваюсь остатками лимонада. Воды больше нет. Ну и ладно. Сегодня я отсюда уйду. Надолго. А может и навсегда.

Начинаю разбор трофеев и чистку оружия. Начал с Наганов. Старая портянка прекрасно подошла для чистки стволов. Часа через два оба револьвера были готовы. Заряжены. Глушители встали на свои места. Патроны для Нагана, в пачках по семьдесят. Одну я распечатал. Четырнадцать снарядил. В открытой пачке осталось ещё пятьдесят шесть. Мне, наверное, хватит. Я же не третью мировую собираюсь начать...

Решил сразу же пристрелять оба ствола. Вышел из землянки как тот ковбой. В каждой руке по револьверу. Да ещё с глушителями. Эпическое зрелище видать со стороны. Хорошо, что меня никто не видел.

Я особо не выёживался. Стрелять сразу с двух рук посчитал необязательным. Сначала навёл один Наган на ствол ближайшей сосны. Расстояние примерно метра три. Вряд ли я буду стрелять потом с большой дистанции. Не с моими нежными девичьими ручками устанавливать рекорды меткости на километр с гаком. Взвожу курок. Туговато идёт. Навожу

на цель по стволу. Мушка с глушителем не особо актуальна. Жму на спусковой крючок. Запахло сгоревшим порохом, но звука выстрела почти нет. Наган просто выдаёт глухо «Тык». Отдача не такая уж и сильная. Из ствола дерева не вылетают даже щепки.

Подхожу ближе. Просто аккуратная маленькая дырочка в коре. Заглянул с другой стороны. Выходного отверстия нет. То ли ствол слишком толстый, то ли свинцовая пуля имеет слабое пробивное действие.

Снова отхожу на исходную позицию. Стреляю с левой руки... Снова «Тык» и всё. Хулиганю. Стреляю самовзводом сразу с двух рук. Получается так же легко, как и с одной. Потом снова стреляю, но по очереди не опуская рук. Слева, справа...

Блин! А мне нравится.

Возвращаюсь в землянку. Разряжаю барабаны. Вынимаю и пустые гильзы, и снаряженные патроны. Снова чистка. Запах знакомый. Не скажу, что приятный. Но и раздражения не вызывает. Тщательно почистив оружие, снова заряжаю. Мне нравятся мои Наганы.

А остальное? Мне ведь всё и сразу не понадобится. Пожалуй я пожадничал. Если бы я Наганы нашёл раньше ТТ, то не стал бы брать Токаревых, да и пистолетом-пулемётом Судаева я бы не соблазнился. И был бы ещё в минус один цинк. Пожалуй, я их пока оставлю здесь...

Распечатываю правую нычку. Вынимаю оттуда всё. Потом копаю вглубь и чуть в сторону. Песок, изъятый из ямки, лежит кучкой рядом. Всё то, что пойдёт на хранение, тщательно протираю от моих возможных отпечатков. В вещмешок с ППС добавляю цинк с патронами и оба ТТ вместе с запчастями для них. Туда же высыпаю остальные пачки с патронами для Нагана.

Подумал-подумал и всё-таки вынул и взял ещё одну пачку на семьдесят патронов в дорогу... Теперь у меня с собой будет семьдесят плюс пятьдесят. Итого — сто двадцать патронов. Не считая тех четырнадцати, что в револьверах. Хватит на первое время.

Туго затягиваю горловину вещмешка. Заворачиваю поплотнее в ОЗК. Кладу в новую ямку. Засыпаю песком. Трамбую. Снова подсыпаю песка. Снова трамбуя. Разравниваю. Сверху бросаю форму, доставшуюся мне от солдатика. Сапоги и всё остальное, что не моё. Аккуратно запечатываю досками. Остатки песка разравниваю по полу. Теперь пора собираться в дорогу.

В сумку на дно ложатся вещи подаренные Ириной. Сверху них сидор с двумя Наганами. На них уже надеты глушители. Ещё два БраМита в упаковке туда же. Патроны... Всё. Сверху снова вещи. Но уже мои. Мальчиковые. Даже порванную на спине водолазку туда же положил. Вперемешку с ними ложатся консервы. Тушёнка и сгущёнка. Одна баночка красной икры. Другую баночку красной икры и чёрную я уже употребил за эти два дня. А что? Очень питательно.

Немного лекарств, но не сильнодействующих. Те уже завернуты и упакованы во вторую нычку.

Лишние предметы — Котелок, топор, лопатка и остальной скарб укладываю в вещмешок, и тоже прячу во вторую нычку.

На мне кожаный пиджачок. В руках одна лишь сумка. Покидаю землянку и, замаскировав вход, удаляюсь от своего логова...

Идти не далеко, не близко. Километра два — два с половиной. Но, как говорится: Гладко было на бумаге... Примерно через час выхожу к шоссе.

Наблюдаю за дорогой. Тишина и покой. Снова петляю и осторожно подбираюсь к месту парковки мопеда. Нет... и здесь тихо. Креплю сумку на багажник. Качу мопед к дороге.

А вот теперь надо решить куда ехать... В Иваново? Близко. Банально. Но возможен элемент попадания под ментовскую операцию по розыску психов. Если их, конечно, ищут. И если ещё не всех поймали. А раз я здесь, то поймали точно не всех.

Ну, тогда может в Ковров? Но там есть оружейный завод. Тоже может быть контроль на дорогах. Хотя водитель Коля говорил, что дорогу давно ремонтируют и там менты не охотятся, так как машин мало... Ну, тогда попробую я туда. Там, если мне не изменяет память, на пересечении этой дороги с Владимирским трактом находятся какие-то дворики. Точно. Сенинские дворики. Вот туда мне и надо. А там до Москвы попутку поймаю...

Хотя сегодня вроде бы Первомай. Может никто и не работает. Может и машин вообще нет на дорогах...

Завожу мопед и качусь в сторону Коврова. Смотрю вперёд. Оглядываюсь назад. Еду. Не тороплюсь.

Проехав километров двадцать зашвырнул в придорожные кусты костюм ниндзя... причём разбрасывал по частям, предварительно порвав по возможности. Пустые консервные банки и прочий мусор, в том числе и стреляные гильзы, выкинул ещё раньше, раскидав по лесу.

Еду дальше. Хватило ещё километров на сорок. А потом верный конь захромал... Мопед зачихал и заглох, не доехав до Коврова каких-то пару-тройку километров. На руках затолкал его в кусты. Отцепил сумку. Да и пошёл себе дальше...

Если кто из местных аборигенов наткнётся на мопед в лесу... Вряд ли хоть винтик останется. Разберут, унесут, укатят. Концов потом не найдёшь.

Минут через двадцать я пересёк мост через Клязьму, а ещё через полчаса уже брал билет на электричку до Владимира.

Час езды и снова вокзал, но уже во Владимире. Билет на проходящий через Владимир скорый из Горького в сторону Москвы... Два часа и я в столице.

Снова на Курском. Его ещё не достроили. Зато украсили красными транспарантами. Ну, так, Первомай, блин. Все радостные и пьяненькие. А я? Я устал как собака. Весь день в пути. Надо бы отдохнуть. Деньги пока есть. Может опять до Питера и обратно. Хоть выплусь?... Как раз и праздники пройдут.

Надо бы ещё и себя как-то в порядок привести. А то, небось, несёт от меня как от пса бродячего. В баню бы... Ага. В женское отделение как зайдёшь, так сначала шайками закидают, а уж потом будут разбираться мальчик ты или девочка... А если в мужскую? Не смешите мои тапочки...

На метро доехал до Белорусской. Оставил сумку в камере хранения на одноименном вокзале, а сам решил по Москве прогуляться.

По Тверской, а ныне ещё улице Горького я не пошёл. Слишком там всё пафосно и помпезно. Мне этот советский праздник нынче далёк. Или я от него далёк.

Кстати, до нынешнего года праздник первое мая вроде бы назывался: «День Интернационала». Ну а с этого 1970 года, вроде бы должен по-новому называться: «День международной солидарности трудящихся».

С одной стороны приятно видеть радостные лица и раскрашенные улицы. Но для человека, который совсем недавно не смог даже похоронить по-человечески погибшую подругу... Да... И к тому же после психиатрической больницы вся эта непонятная мне

безудержная радость широких масс населения, кажется каким то безумным шабашем.

Недаром раньше в этот день, ну то есть в ночь с тридцатого апреля на первое мая, был слегка другой «праздник». А именно — Вальпургиева ночь. Ведьмы с чертями собирались на Лысой горе, где сам Сатана в образе козла восседал то ли на стуле, то ли на столе. А все пришедшие на праздник целовали ему зад. Тьфу!

Надо же было выбрать такой день для праздника. По-моему это всё неспроста. Может это проделки старого русофоба Карла Маркса и такого же русофоба Фридриха Энгельса? В советские времена этот факт почему-то замалчивали. Ой. Да ладно... Нам всегда говорили одно, а творили с нами совсем другое.

Я не против идеи всеобщего равенства. Но не в таком искажённом виде. Уж больно напоминает «Скотный двор» Джорджа Оруэлла. Типа все равны, но некоторые равнее...

Те, кто с трибуны мавзолея машут ладошками проходящим мимо них колоннами людей, вряд ли живут в таких же скотских условиях, что и их граждане. А в будущем вместо граждан вообще будет электорат.

Снова тянет на классику. Помню, как Лис ответил Маленькому принцу: Нет в мире совершенства...

Гуляя по старым переулкам набрёл на рынок. Это же Тишинка. Знаменитый Тишинский рынок, жаль не переживший девяностых годов. В будущем на этом месте торчит банальный и безликий торговый центр, а рядом высится высоко эрегированный памятник известного грузинского происхождения. Как только его местные не называли: «Шашлык» или «Член». Но уж точно это не шедевр монументальной архитектуры. Слава богу, пока его ещё нет. А Тишинский рынок пока ещё есть. Интересно, он сегодня работает или нет? Вроде бы не должен. Ведь первое мая. А я всё равно пойду и посмотрю.

Видимо сам рынок сегодня не работает. Ну, ещё бы. Ведь первое мая официальный нерабочий день. Но бабки с семечками оккупировали неплохой такой плацдарм. Товар расходуется бодро. Люди гуляют. Многие уже навеселе. Почему бы семечек стакан, да не высыпать в карман.

Небольшой блошинный рынок тоже функционирует. Всякую ерунду вроде бы продают с рук. Но народ толпится, смотрит, а иногда и покупает. Тётка возле газовых баллонов продаёт шарики. Часть шариков уже летает над Москвой. Но дети желающие шарик всё не кончаются, а их родители стоят в очереди.

Мне сегодня ничего не надо. Я бы сюда пришёл в будний день. Возможно, что здесь я смог бы приодеться для будущих мероприятий. Мне нужно несколько видов разнообразной одежды. Чтобы была возможность изображать из себя. То мальчика, то девочку, быстро меняя имидж.

Да. И пора бы уже сменить цвет волос. Если бы можно было найти парик... Интересно в каком театре есть лишний паричок для меня? Я помню, что где-то в Москве был театральный магазин. Там вроде бы и грим продавали и парики. Но где он этот магазин? И есть ли он сейчас?

Моё внимание привлёк один прохожий. Обычный такой пешеход. Особо ничем не выделялся из толпы... Ну, худой очень, разве что... Лет за сорок... Но не больше пятидесяти... Одет в простое серое пальто. И это пальто ему велико. Висит на нём, как на вешалке. Шляпа на голове. Что меня в нём заинтересовало? Да то, что он откровенно пялился на меня, словно пытался просверлить дырку на моём лице...

Лично мне он не знаком. Я бы запомнил такого типа. Нос такой очень национальный,

выразительный. Глаза? Глубокие такие, тёмные глаза. Ему бы Мефистофеля играть на подмостках театра. Как раз подходящий типаж. И чего он на меня уставился?

Сделав вид, что не замечаю такого пристального внимания к себе, я ввинтился в толпу, затерялся среди людей. А после вышел с другой стороны Тишинки. Переулками пошёл куда-то в сторону зоопарка. Шёл не оглядываясь.

Тормознув у аппаратов с газированной водой, стал в кармане искать три копейки, и тут же обнаружил, что тот самый тип стоит рядом со мною и смотрит на меня вообще в упор...

Что за на фиг? И что мне теперь делать?

Врезать ему под дых и свалить?

Ну... Вроде бы пока он мне ничего плохого не сделал...

Тогда чего ему от меня надо?

Худой мужчина, закашлялся... Делал он это интеллигентно, в кулак... А потом просто обратился ко мне, сильно картавя при этом:

— Пгастите! Ваша фамилия случайно не Котти?

В состоянии полного офигевания, смотрю на него. Затем машинально киваю в ответ...

— Вас же зовут Инга? Инга Котти?

Смотрю ему прямо в глаза и снова киваю в ответ.

А про себя громко думаю: «Что за хрень?!»

Конец второй книги.

Больше книг на сайте - Knigoed.net